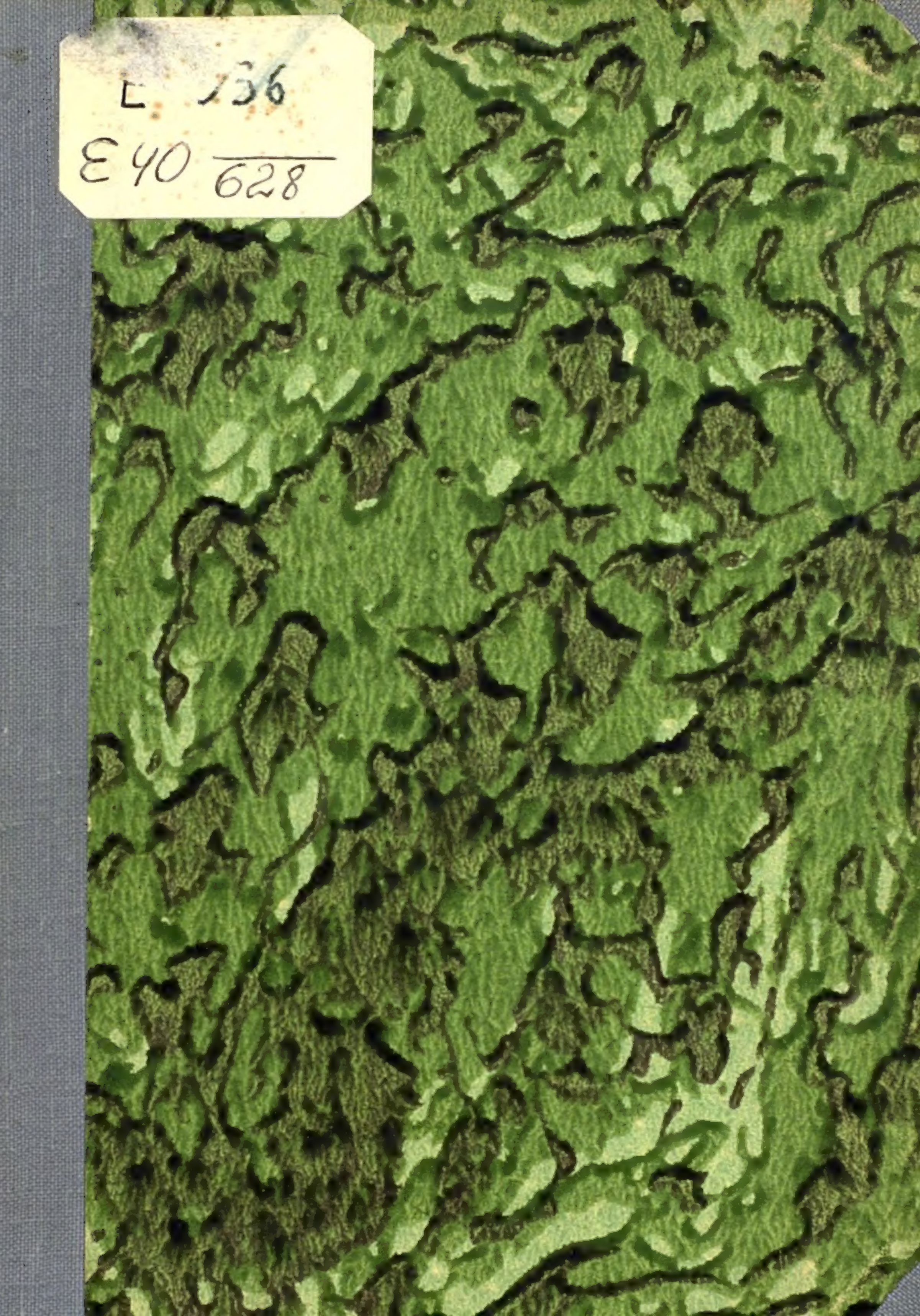

E 136
Е 40 628

Г. ЗИНОВЬЕВ
А. ЛОЗОВСКИЙ
Г. МОНМУССО
М. ТОМСКИЙ

ЕДИНЫЙ ФРОНТ В ПРОФДВИЖЕНИИ

Издательство МГСПС „ТРУД и КНИГА“
МОСКВА 1924 г.

Издательство МГСПС

„ТРУД и КНИГА“

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

1) **С. Гиринис.** — „Что такое проф. производственный союз“. 3-е дополн. издан. Цена **20** коп.
2) **А. А. Петров.**—Памятка рабочего самообразования. Ц. **40** к.
3) **М. Лейзеров.**—Массовая профпропаганда в клубе. Ц. **45** к.
4) **Положение труда в Московской губ.** Атлас диаграмм под ред. Ф. Д. Маркузона. Вып. 2. Цена **3** руб.
5) **Положение труда в Московской губ.** Сборник материалов под ред. Ф. Д. Маркузона. Цена **1** руб.
6) **Материалы по союзной культработе.** 3-й вып. Цена **40** коп.
7) **Маяковский, Третьяков, Адливанкин.**—„Повесть о том, как Фаддей узнал про закон, защищающий рабочих людей“. Кодекс законов о труде в стихах, с иллюстрациями. Цена **35** ко...
8) **Х. Д**... е издание. Це...
9) **М.** ... ко-биографи...
10) **П.** ...
11) „**Си**... ой газеты. Вы...
12) **По** ... ции произ... олненное из...
13) **Ку**... зов. Вып. 1. Ц...
14) **А.** ... экскурсий. Ц...
15) **Е.** ... на **60** коп.
16) **Х.** ... Цена **40** к.
17) **М.** ... на **45** коп.
18) **Ед**... в. **Зиновьева**... ессах Коми... ключительна...
19) **Д-**... страхования...
20) **Пр**... их (основн. по...
21) **А.** ...
22) **М.** ... Цена **25** к.

(См. 3-ю стр. обложки).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕДИНЫЙ ФРОНТ В ПРОФДВИЖЕНИИ

Сборник речей т.т. Зиновьева, Лозовского, Монмуссо и Томского, со вступительной и заключительной статьями т. Лозовского

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГСПС „ТРУД и КНИГА“
Москва—1924 г.

Гублит № 13.992. Москва, 1924. Тираж 5.000.

Типография Из-ва МГСПС „Труд и Книга“, Б. Якиманка, 32.

Третий конгресс Профинтерна.

Сегодня открывается III конгресс Красного Интернационала профсоюзов, на котором будут подведены итоги нашей 4-летней деятельности и намечены дальнейшие пути нашей работы.

Этапы развития Профинтерна, как известно, следующие: в мае 1920 года, накануне II конгресса Коминтерна, состоялось совещание во вопросу о создании международного центра революционных профсоюзов. На этом совещании приняли участие: нынешний председатель генерального совета английских трэд-юнионов — Персель, Роберт Вильямс, д'Аррагона, Дугони и представители ВЦСПС и Коминтерна. Ни к каким организационным результатам это совещание не привело, но переговоры продолжались и после отъезда английской делегации. В середине июля этого же года между представителями ВЦСПС, итальянской конфедерацией труда, сербских, болгарских и испанских профсоюзов и меньшинством французской конфедерации труда было выработано соглашение о создании международного совета профессиональных и производственных союзов. Отсюда и берет свое начало Красный Интернационал профессиональных союзов.

I учредительный съезд революционных профсоюзов состоялся в ноябре 1921 года в Москве. Здесь Интернационал получил свое окончательное название, свои статуты, программу и тактику.

II конгресс состоялся также в Москве, в ноябре 1922 года, а теперь мы стоим перед открытием III конгресса.

Прошло 4 года с тех пор, как был заложен фундамент международного центра революционного профессионального движения. Каков пройденный путь? 4 года—время не особенно большое, но в бурную историческую эпоху, которую мы переживаем, этого срока достаточно, чтобы проявилась жизненность или искусственность создаваемой организации. 4 года работы доказали насущную необходимость международного центра революционного профдвижения, борющегося против желтых вождей реформистских профсоюзов.

Профинтерн начал как международный комитет пропаганды. Сейчас он представляет собою международную организацию, которая имеет свои опорные пункты в 50 странах и ведет борьбу против реформизма по всей линии. Сложность работы Профинтерна заключается в том, что он опирается на различного типа организации. Так как Профинтерн с самого начала своего возникновения высказался за лозунг завоевания союзов, то значительные кадры идейно примыкающих к Профинтерну рабочих находятся внутри реформистских организаций. Эти меньшинства, во многих случаях, трудно учесть. Учет здесь может быть только политический (соотношение сил на съездах и конференциях между революционными рабочими и реформистами, выборы в фабзавкомы и т. д.). С другой стороны, к Профинтерну примыкают общепрофессиональные центры целого ряда стран, и с третьей—революционные организации тех стран, где профдвижение расколото (Франция, Чехо-Словакия, целый ряд отдельных революционных, стоящих вне общепрофессионального движения, союзов и т. д.).

В другом положении находится Амстердамский Интернационал, который имеет за собою формально цельные, но политически неоднородные организации. Внешне Амстердамский Интернационал объединяет гораздо больше рабочих, чем Профинтерн потому, что революционные рабочие, стоящие на платформе Профинтерна, организационно находятся внутри Амстердамского Интернационала. Это своеобразие нашей организационной структуры создает в глазах неосведомленных людей впечатление преобладающей мощи Амстердамского Интернационала, особенно тогда, когда последний начинает жонглировать своими цифрами.

В чем заключалась работа Профинтерна на протяжении этих 4 лет? В стремлении внести единство в мировое профдвижение, выковать единую революционную идеологию, сделать революционный опыт одних стран достоянием всех, создать гибкую революционную тактику, перестроить профсоюзы из узко-корпоративных организаций в мощные производственные союзы, опирающиеся на фабзавкомы. Но центральная мысль, положенная в основу деятельности Профинтерна, заключалась в организационно-политической подготовке совместных параллельных выступлений революционных рабочих разных стран.

Если взять мировое профдвижение в целом, то мы увидим, насколько оно пестро и многообразно. Разнообразие структуры и идеологии объясняется разными ступенями промышленно-экономического развития отдельных частей капиталистического мира. Мы имеем новые, проснувшиеся к жизни страны, с новым молодым рабочим движением (Ближний, Средний, и Дальний Восток) и старые страны с традиционным вековым профессиональным движением. Ввести единство во все это раз-

нообразие, создать почту для совместных действий, искоренить национальную ограниченность, заставить широкие массы понять, что международные интересы выше интересов национальных, поднять широкие массы от смутного недовольства, примитивных протестов, экономических боев к коммунистическому сознанию,—вот в чем заключалась работа Профинтерна. Дала ли она результаты? Несомненно. Если взять профдвижение всех стран в 1924 году и сравнить его с тем, каким оно было 4 года тому назад, мы увидим гигантскую разницу. Смутное революционное настроение превратилось в ясное революционное сознание. Неопределенные поиски новых методов борьбы заменились гибкой революционной тактикой. Производственная перестройка союзов подвигается вперед, и ясны стали задачи фабзавкомов, разбит анархо-синдикализм по всей линии, сильно подточен и потрепан международный реформизм. Из недр рабочих масс выкристаллизовывается и растет под влиянием Профинтерна и Коминтерна настоящее революционное коммунистическое профдвижение.

Если взять количественное соотношение сил между Амстердамским Интернационалом и Профинтерном, то мы увидим, что силы сейчас равны. Качественно же эти два Интернационала сравнивать нечего. Амстердамский Интернационал есть механическое объединение национальных организаций, в котором национально ограниченные интересы отодвигают назад самую возможность каких бы то ни было совместных действий и выступлений, поскольку выступления могут итти в разрез с национальными интересами буржуазии. Профинтерн же представляет собою в общем и целом однородную, состоящую из революционных союзов мировую организацию, в которой интересы между-

народного пролетариата определяют поведение отдельных национальных отрядов.

III конгресс Профинтерна происходит после съезда Амстердамского Интернационала, на котором впервые выступило в высшей степени неоформленное, половинчатое левое крыло, отразившее недовольство широких рабочих масс. Левое крыло Амстердамского Интернационала недовольно нынешней политикой Амстердама, но это не значит, что оно довольно политикой Профинтерна. Нам придется на конгрессе Профинтерна дать оценку перегруппировке сил внутри Амстердамского Интернационала, дать ответ на поставленные им русским профсоюзам вопросы; нам придется уточнить нашу программу, наши методы борьбы и обсудить целый ряд возникших за последние 2 года новых проблем.

Перед III конгрессом стоит практическая задача дня,—организация международной борьбы за 8-часовой рабочий день. Надо установить не только нормальные взаимоотношении между фабзавкомами и союзами, но, что более важно,—надо подтолкнуть все революционные элементы к созданию фабзавкомов. Надо обсудить вопрос о методах борьбы оппозиционных меньшинств внутри реформистских профсоюзов, о взаимных отношениях между ними и независимыми революционными союзами, о политике наших сторонников в Англии, о взаимоотношениях между крестьянским Интернационалом и союзами сельско-хозяйственных рабочих, о профсоюзах и кооперации, о борьбе против фашистских организаций, о рабочей эмиграции, об освещении деятельности предпринимательских организаций, о работе среди женщин и среди молодежи, об отношениях к Мопр'у и к международной рабочей помощи и т. д.

Новым для Интернационала является вопрос о стачечной стратегии, который, насколько известно, никогда не стоял ни на одном международном съезде. Хотя стачечного опыта очень много во всех странах, но опыт этот не подытожен, и постановка вопроса на III конгрессе имеет своей задачей начать это подытожение, сделать кое-какие выводы для всех стран из крайне разнообразного опыта экономической борьбы рабочего класса.

Если прибавить к этому еще целый ряд спорных вопросов в разных странах (помимо обширного порядка дня создано 12 комиссий по вопросам и 11 комиссий по странам), то мы увидим, какую громадную работу предстоит проделать III конгрессу Профинтерна.

Первые 2 конгресса уделили очень много внимания взаимоотношениям между коммунистами и анархосиндикалистами. Теперь этот вопрос совершенно сошел со сцены. Анархосиндикализм был силен только там и в той мере, в какой не было настоящих революционных партий. Вместе с зарождением коммунистических партий в латинских странах, звезда анархосиндикалистов закатилась, и теперешние анархосиндикалистские организации представляют собою жалкое зрелище.

Перед III конгрессом будет стоять целый ряд практических вопросов дальнейшей организации. Революционное рабочее движение значительно выросло за эти несколько лет, и к Коминтерну и к Профинтерну предъявляются требования не только идейного, но и организационного руководства. Профинтерн отличается от Амстердамского Интернационала тем, что он объединяет рабочих не только Европы, но и других частей света, и во всей своей организационно-политической работе Профинтерну приходится исходить из этого в высшей

степени важного факта. Амстердамский Интернационал мало заботился об организации рабочих Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, тогда как для Профинтерна вопрос этот играл всегда очень большую роль. Неделю тому назад закончилась в Кантоне Тихоокеанская конференция транспортников, где были представлены моряки и железнодорожники Северного и Южного Китая, Филиппий. и Явы. Японские транспортники не могли прибыть на эту конференцию из-за полицейских затруднений. Приходило ли когда-нибудь в голову Амстердамскому Интернационалу организовывать такого рода конференции и стать твердою ногою На тихом океане? Амстердамцы этим делом не занимались, потому что для Амстердамского Интернационала центром мира является Европа, а центром Европы—страны Антанты.

Перед Профинтерном стоит также практический вопрос о создании целого ряда портовых бюро в важнейших портах всех стран. В настоящее время мы имеем портовые бюро только в русских портах и в Гамбурге, Роттердаме и в Бордо. Перед нами стоит практическая задача создания портовых бюро на Тихом океане и во всех важнейших портах Атлантического океана и Средиземного моря. Задача эта грандиозная, она требует громадного напряжения сил и энергии, но задача эта уже практически поставлена, мы приступили к ее разрешению, и к VI конгрессу мы несомненно будем иметь спорные пункты во всех важнейших портах Европы, Северной и Южной Америки и Тихо-Океанского побережья.

Рост Профинтерна означает рост Коминтерна и наоборот, ибо Красный Интернационал профсоюзов проводит коммунистическую линию в мировом профдвижении. Тактику коммунистов в проф-

движении обсудил V конгресс Коминтерна. Решения, принятые по этому вопросу Коминтерном, несомненно лягут в основу решений III конгресса Профинтерна, и таким образом увеличится та спайка, которая существует между Коминтерном и революционным профдвижением всех стран.

После конгресса Профинтерна можно будет сравнить нашу работу с работами Венского конгресса Амстердамского Интернационала. Там, в Амстердаме, мы видим истощенный и бесплодный реформизм, желающий замазать увеличивающиеся трещины в капиталистическом обществе. Здесь—бьющая ключем революционная жизнь, поиски новых форм и методов борьбы, ясные задачи и воля к революционному действию. Левое крыло Амстердамского Интернационала хочет омолодить страдающий собачьей старостью международный реформизм путем впрыскивания революционной крови. Для горячей революционной крови найдется лучшее назначение, чем омолаживание дряхлых, хилых и немощных старичков из Амстердамского Интернационала. Пусть их омолаживает кто хочет, мы же будем продолжать ожесточенную борьбу против международного реформизма за единство национального и мирового профдвижения.

А. Лозовский.

„Труд“ № 152.
8/VII—1924 г.

Коминтерн и профдвижение.

(Доклад т. Г. Зиновьева на V конгрессе Коминтерна).

— Товарищи, вопрос о профсоюзах имеет чрезвычайно большое значение. Оставить в нем какие либо неясности значило бы сильно повредить всему движению.

На этом конгрессе много говорят о необходимости большевизации партии, о верности ленинизму. Мы предпочли бы, чтобы не так много говорилось об обольшевичении партии, но зато глубже изучалась бы самая сущность ленинизма, в частности в вопросе о профсоюзах. (Аплодисменты).

Точка зрения ленинизма в вопросе о профсоюзах нам станет ясна прежде всего из его тактики. Вы знаете, что первый политический раскол между большевиками и меньшевиками произошел уже в 1903 году, т.-е. более, чем 20 лет тому назад (о том, что было до этого, я и не говорю). В вопросе о профсоюзах большевики действовали совсем иначе. Несмотря на все расколы, происшедшие в области политических организаций, ни одного профсоюза не раскололи (Радек: „Правильно!“) ни до, ни во время, ни после революции. Над этим стоит задуматься, товарищи. Уже после Октябрьской революции профсоюзы находились еще в значительной мере в руках меньшевиков, и, несмотря на это, мы сделали все, чтобы предотвратить раскол. Позже, когда меньшевики составляли

в профсоюзах уже только совсем незначительную часть, наша партия сделала все, что было в ее силах, чтобы завоевать профсоюзы изнутри, не расколов их.

Итак, товарищи если вы хотите понять практику большевизма, вы не должны забывать этого *основного* факта: расколы в области политики в течение 25 лет—меньшевики назвали нас профессиональными раскольниками—и не *единого* раскола в области профсоюзной работы—ни в момент, когда мы в профсоюзах были в меньшинстве, ни в момент, когда мы имели за собой большинство. Это —один из основных фактов из истории российской революции и истории российского большевизма.

Тот, кто называется ленинистом, тот, кто говорит, что хочет обольшевичить партию (мне кажется, что и Шумахер утверждает это,—но упаси нас от подобного большевичения),— тот не станет раскалывать профсоюзы. Это, наоборот, было бы содействием меньшевизму, хотя Шумахер и называет себя левым. Таких левых мы уже достаточно видели. Если я не ошибаюсь, Шумахер был здесь, в Москве, 3 года тому назад, как представитель независимой с.-д. партии, а теперь он выступает так, как будто Интернационал для него уже недостаточно лев. (Радек: „Это случается нередко!“).

Если вы всерьез говорите об обольшевичении партии, заметьте себе раз навсегда: борьба за единство профсоюзного движения является одним из отличительных признаков большевизма; такова практика русского большевизма за 25 лет. Мы не раскололи ни одного профсоюза. Почему? Потому ли, что мы любили меньшевиков, или потому, что мы считали профсоюзы такой формой движения, которая для нас священна, неприкосновенна? Нет, не потому, а только по той причине, что мы счи-

тали профсоюзы тем центром, вокруг которого группируется *масса* пролетариата, всего рабочего класса.

Тов. Ленин учил нас, что *профсоюзное движение, несмотря на все измены социал-демократии, является исторически данной формой объединения всего пролетариата в одну организацию.* Отсюда, товарищи, все старания вождей социал-демократов разбить единство этого движения, вытолкнуть из него коммунистов. Поэтому-то мы и говорили на III и IV конгрессах, что вожди социал-демократии заинтересованы в том, чтобы разбить единство профсоюзов, а мы заинтересованы в том, чтобы сохранить его. Эта форма рабочего движения еще пригодится нам, и не только во время борьбы за власть, но и на следующий день после завоевания власти. Ленин много раз говорил, что если-бы после 1917 года мы не имели за собой профсоюзов,—наша диктатура не смогла бы продержаться года, и даже месяца. Это была та организация, которая помогла нам организовать производство, Красную армию и многое, многое другое.

Ленинизм в профсоюзном движении означает борьбу против раскола профсоюзов. Мы говорим это не из дипломатических соображений по отношению к социал-демократам, но потому, что это вытекает из глубочайшей сущности ленинизма.

Таким образом, ленинизм состоит прежде всего в усвоении того, что непримиримый марксизм невозможен без массовой организации пролетариата, так как марксизм без массовой организации—это уже не марксизм, и он никогда не может победить.

Вчера мы праздновали память Парижской Коммуны. Но мы стремимся к *победоносной* коммуне, к победе пролетариата. А для этого, прежде всего, необходимо объединение всего рабочего класса.

На IV конгрессе мы заявили—и это абсолютно верно до сих пор: чем больше вожди социал-демократии сознают, что рабочий класс в глубине души с нами, что мы неизбежно завоюем большинство, чем больше они сознают, что мы приближаемся к революции, тем больше они пытаются расколоть профсоюзы. Они думают про себя: если уж организация рабочего класса должна попасть в руки коммунистов, то пусть им достанутся одни черепки, одни осколки профсоюзов, но не профсоюзы, как таковые, которые могут стать незаменимым оружием в их руках.

Правда, если взглянуть на английское, германское профсоюзное движение, находящееся еще в руках социал-демократии, то с трудом можно поверить, что союзы когда-нибудь смогут сослужить службу пролетарской революции. Но они, тем не менее, эту службу *сослужат наверняка*. Русские профсоюзы немногим были лучше, когда находились в руках меньшевиков. Но, когда наступил решающий момент, мы разбили меньшевиков. И дисциплина, и навыки к организации, и все то, хорошее, что десятилетиями накоплялось в профсоюзах,—все это в руках коммунистов стало несравненным оружием российской революции.

Поэтому всякий, кто серьезно думает о пролетарской революции, о завоевании большинства рабочего класса, тот не должен легкомысленно относиться к вопросу объ единстве профсоюзного движения. Обольшевичение партии—это тактика искренней борьбы за единство профсоюзного движения и непрерывной борьбы за коммунизм внутри его.

Чем больше провокация социал-демократов, тем больше мы должны маневрировать, тем крепче мы должны смыкать свои ряды в профсоюзах и дей-

ствовать изнутри. Почему? Потому, что в профсоюзах находятся наши братья по классу.

Здесь было сделано легкомысленное сравнение: как буржуазное государство может быть завоевано только силой, так-де и профсоюзы. Это сравнение никуда не годится. Буржуазное государство отличается от профсоюзов тем, что профсоюзы состоят из наших братьев по классу, т.-е. из рабочих, которые, несмотря на все свои заблуждения, несмотря даже иногда на свою объективную контрреволюционность, все же в нужный момент проделают необходимый поворот.

В германской партии много говорили о „новой тактике“ в вопросе о профсоюзах. В чем состоит эта тактика? В „шумахерстве“. Жаль только, что в нашей германской партии имеются не только целые Шумахеры, но и полу-Шумахеры, т.-е. люди, более или менее непоследовательно защищающие ту же неверную тактику. Гораздо лучше, если имеешь перед собой на трибуне „целого“ Шумахера и если можешь развернуть весь вопрос.

Шумахер говорит, что от социал-демократов нас отделяет целое миросозерцание; поэтому мы, видете ли, не можем оставаться вместе с ними и в профсоюзах. Конечно, от социал-демократов нас отделяет целое миросозерцание: они—лакеи буржуазии, а мы—коммунисты. Кто же этого не знает? Не требовалось, чтобы Шумахер сделал это открытие. Или говорят еще: эти собаки—вожди социал-демократов—провоцируют нас, дабы выгнать из профсоюзов, значит... мы должны уйти. Но, на то они и собаки, на то они и лакеи буржуазии, чтобы провоцировать нас и раскалывать профсоюзы; а мы не то и не сантиментальные мечтатели, а серьезные пролетарские революционеры, чтобы сказать: собаки остаются собаками, лакеи

буржуазии остаются ее лакеями. Мы же, несмотря ни на что, должны проявить выдержку и во что бы то ни стало завоевать большинство наших товарищей по классу в профсоюзах, т.-е. в той организации, которой еще руководят эти проклятые лакеи буржуазии, но которой ведь они будут руководить не вечно! Придет время, когда мы завоюем в них большинство рабочих. Чего бы это ни стоило, мы не отступимся от задачи завоевания этого организационного центра рабочего класса.

Господа меньшевики в России были такими же лакеями буржуазии, они также хотели выжить нас из профсоюзов. У нас велась та же борьба. Но мы сказали: чем больше провокаций, тем больше выдержки с нашей стороны для того, чтобы оставаться в профсоюзах и, несмотря ни на что, завоевать большинство рабочих. В Коминтерне мы с самого начала имели элементы, пытавшиеся толкнуть нас на другой путь. Уже на I и на II всемирных конгрессах раздавались такие голоса; отчасти это были товарищи из Америки и Англии, говорившие: мы не можем оставаться в этих профсоюзах. Ленин, как лев, боролся против них.

Теперь эти товарищи говорят: „Все мы—ленинисты, но мы хотим выйти из реформистских профсоюзов, мы хотим создать „новую форму“ рабочей организации, от старых профсоюзов нас отделяет целое миросозерцание. Но мы стоим на этом и иначе мы не можем: тактика Коминтерна состоит в том, чтобы работать в профсоюзах таких, как они есть. Ленин сумел посылать первых работников нашей партии, первых ее основателей в реакционные профсоюзы, основанные царскими жандармами; он посылал их даже в профсоюзы, основанные генералом Зубатовым, для того, чтобы отвоевать рабочих. Я должен признать, что Дисс-

маны, Грассманы, д'Аррагоны и Гомперсы — это те же жандармы, это—реакционеры, мы знаем эту шайку; объективно они не лучше генерала Зубатова. Но если мы вступили в эти профсоюзы для того, чтобы завоевать большинство рабочих, то в этих зубатово-грассмановских и зубатово-д'аррагоновских профсоюзах мы должны удержаться. Если мы этого не сделаем, значит мы только на словах хотим завоевать большинство рабочего класса. Может быть, вы и хотите этого, но не знаете, как. Нельзя завоевать большинство, не желая работать в профсоюзах. В этом случае вы будете лить воду на мельницу этих жандармов. Хотя Шумахер и считает себя левым, но на деле работает на Грассмана и Диссмана.

Поэтому, мы в этом вопросе не допускаем никаких компромиссов. Если этот вопрос всплыл еще раз на международном конгрессе, то *Коминтерн должен ясно сказать: мы должны остаться в профсоюзах*. Все шумахеровские аргументы отскакивают от истинного лениниста, ибо они являются только доказательством правильности нашей тактики.

Почему с.-д. вожди исключают нас? Да потому, что боятся, что мы в профсоюзах сумеем завоевать большинство рабочих. Если есть вопрос, за который Коминтерн может поплатиться головой, то это именно вопрос о профсоюзах. Если есть вопрос, который может погубить германскую братскую партию, то это вопрос о профсоюзах. (Аплодисменты).

Сегодня один товарищ говорил мне: при коммунальных выборах в Ольтоне мы, якобы, потерпели поражение. Конечно, всякое поражение, даже небольшое, неприятно для нас. Но мы не принадлежим к тем революционерам, которые всегда и во что бы то ни стало требуют от наших товари-

щей побед; мы знаем, что могут быть и поражения. Но, как коммунисты, мы также знаем, что, несмотря ни на какие поражения, мы должны продолжать борьбу. Однако, *если ленинистская точка зрения по профсоюзному вопросу не укрепится внутри нашей германской партии, если она не будет ясно выражена,*—это будет таким поражением, какого мы не сможем вынести.

Я должен заявить, что в этом вопросе оппозиция не является оппозицией „профессорской". Иные ком.-„профессора" делают все, что в силах, чтобы углубить каждый наш неверный шаг, но опасность этих уклонов состоит в том, что они частично воспринимаются и хорошими рабочими. Это особенно опасно.

Я по-человечески могу понять, что рабочие сжимают кулаки при одном имени Грассмана и К^0, и что они, голодая, предпочитают, вместо членского взноса, идущего в руки социал предателей, купить детям молока. Я могу понять это чувством. Но, как член класса, как член мировой партии, как классовый соратник, такой рабочий неправ: он должен понять, что необходимо платить этот взнос, что необходимо завоевать эту родную для всякого рабочего организацию, что необходимо оставаться в ней, и что только изнутри мы можем захватить все дело в свои руки. Если мы этого не сделаем, вся наша программа будет абсолютно безнадежной.

Товарищи, что больше всего беспокоило нас во время германской дискуссии по этому вопросу? Мы понимаем, что после поражения в октябре, после саксонской комедии кризис был абсолютно неизбежен. Это не так страшно, это поправимо. Но если партия, как таковая, и очень хорошие рабочие, составляющие фундамент нашей партии, не имеют ясной линии в вопросе о профсоюзах,—

вот это больше всего беспокоит нас. Партия не сможет проводить коммунистическую линию, если у нее не будет ясной линии в этом вопросе всех вопросов. Здесь необходимо создать совершенно ясную линию, здесь не должно оставлять каких бы то ни было недоговоренностей. Здесь дело идет не о словах, а о компромиссах, и мы должны до конца выяснить этот вопрос.

Франкфуртская резолюция нашей германской компартии теоретически верна, она является основой подлинно-ленинской тактики в вопросе о профсоюзах, но мы знаем, что как каждая книга имеет свою судьбу, так и резолюция может ее иметь,—она может остаться на бумаге. На эту тему у нас было много разговоров с нашими германскими товарищами, с лучшими пролетариями Европы, у которых много сильных сторон. Но слабая сторона их состоит отчасти в том, что в вопросе о профсоюзах они еще в глубине души борются сами с собой. Они еще не переболели этого вопроса. Они опасаются, не оппортунизм ли это оставаться в профсоюзах. Товарищи, эту внутреннюю борьбу необходимо довести до конца.

Шумахер процитировал целый ряд резолюций из времени переходного периода германской коммунистической партии, времени формирования мнения о профсоюзах и колебания. Эти резолюции для нас недоказательны. У нас было много колебаний по разным вопросам, мы не родились готовыми коммунистами. Из того, что у нас были колебания, шубы не сошьешь. Это был период линяния. Но если он тянется целыми годами, то это становится несчастьем для партии. Доказательства Шумахера недоказательны; как мы надеемся, они теоретически преодолены уже во Франкфурте. Но дело за тем, чтобы преодолеть их также и практически.

Я говорил с одним берлинским товарищем, с одним из пролетариев, составляющих фундамент партии. Я получил впечатление, что он как будто чего-то стыдится перед массами: зачем мы остаемся в с.-д. профсоюзах? Он говорит, что в предприятии, на котором он работает,—30,000 рабочих, и только пара тысяч из них профессионально организованы, остальные и слышать не хотят о профсоюзах; и ему как бы стыдно притти к ним и сказать: вы должны пойти в с.-д. профсоюзы. Эти 30.000 он считает лучшими. Нет, товарищи, мы хорошо ознакомились с массами, мы имели дело с тысячами и миллионами. Мы уже знаем те массы, которые говорят: „В профсоюз меня не заманишь, нет расчета итти в эту лавочку“. Они ведут себя иногда внешне очень радикально, но они часто не идут и в партию, не идут и на революционную борьбу. А затем приходит момент, когда они же говорят: „Где была партия, когда мы ошибались? Она затем и существует, чтобы исправлять наши ошибки!“. Конечно, без этих 30.000 нам не сделать революции, но надо убедить их в том, что необходимо остаться в профсоюзах. Если мы не выполним этого дела, мы не сможем свергнуть буржуазный строй.

Германская партия должна до конца выяснить этот вопрос. Мы можем простить всякие ошибки, но этот вопрос может стать для нас камнем на шее; там, где нужно пускаться вплавь, можно погибнуть благодаря этому камню, т.-е. благодаря тому, что не имеешь ясной точки зрения в вопросе о профсоюзах.

Если Шумахер утверждает, будто он говорит здесь от имени 20.000 товарищей, то это своего рода местный патриотизм. Мы уже знаем эти местные изолированные профсоюзы со времени покой-

ного Ленина; в то время указывалась приблизительно та же цифра.

Мы надеемся, что 19.900 из 20.000 пойдут за Коммунистическим Интернационалом, когда он утвердит определенную линию; с остальными нам на время придется расстаться, мы не можем пойти на компромисс с ними. Шумахер —тоже солдат революции; партия решила, он должен выполнить это решение не только формально, но и в практической работе.

Шумахер говорит: мы, в сущности, вовсе не проповедуем выхода из профсоюзов, мы не говорим: „Покидайте профсоюзы", мы „только" пропагандируем организацию самостоятельных профсоюзов и лозунг: „индустриальные союзы". Мы считает, что партия должна поддерживать этот лозунг. Неужели т. Шумахер нас такими наивными считает, что мы не поймем, в чем дело, если он скажет это несколько другими словами? Он хочет поставить нас перед такими фактами, которые нарушают партийную линию в вопросе о профсоюзах.

Мы должны собрать вышедших из профсоюзов рабочих под одним лозунгом: „*Назад в профсоюзы*". *Да, назад в реакционные, контрреволюционные, меньшевистские, находящиеся пока еще под руководством социал-демократов профсоюзы! Назад в эти профсоюзы, чтобы создать в них центр для объединения наших сил!* Если мы не выставим и не проведем этого требования, мы будем революционерами-болтунами, мы никогда не сможем разрушить буржуазный строй, никогда всерьез не завоюем большинства рабочего класса.

То, что преподносит нам Шумахер, это и значит пропаганда выхода, и объективный смысл ее таков: вон из современного рабочего движения, такого, как оно есть, со всеми его слабостями. А

это значит: вон из рабочего класса, такого, как он есть. Мы не должны обольщаться иллюзиями: мы не можем создать свои собственные крупные профсоюзы в Германии; если бы даже мы их основали, мы не могли бы вести успешной экономической борьбы, а если бы мы повели ее, мы бы ее проиграли; и рабочие, которые сейчас бегут из профсоюзов, тогда-то как раз устремились бы к социал-демократам.

Не поддавайтесь иллюзиям! Новой формой являются фабзавкомы, но профсоюзы остаются, даже после революции, как мы видим на примере российской революции. Новой революционной формой рабочего движения являются советы, но их невозможно создавать еженедельно, по понедельникам и четвергам; их можно создать только тогда, когда революция уже будет стучаться в окно. Реальной же формой современного рабочего движения, которую оценивали Маркс и Ленин, являются профсоюзы со всеми их недостатками и слабостями и со всеми выгодами, которые они дают пока социал-демократии.

В этом вопросе необходима абсолютная ясность. Если т. Шумахер не подчинится, он не сможет больше принадлежать к Коминтерну. Если он объединит 20.000 рабочих для того, чтобы увести их из профсоюзов, от тактики единого фронта, то он отнимает у нас 20.000 классовых бойцов, вместо того, чтобы бросить их на весы борьбы против социал-демократии. В лучшем случае он нейтрализует, раздробляет их и делает из них объективно враждебную нам силу.

Теперь я перехожу ко второму вопросу—как нам следует относиться к Амстердамскому Интернационалу профсоюзов. Он, по моему мнению, имеет второстепенное значение. Тов. Бордига

утверждал здесь, что, по его впечатлению, мы, намечая планы вступления в известные переговоры с амстердамцами, придаем всему движению „крайне правый“ характер.

Нас, при сравнении с так называемым ултьтралевым крылом не раз упрекали в правизне. На III всемирном конгрессе Ленин сказал: „Я выступаю здесь, как правый, против теории наступления“. Что же, называйте и сейчас нас „правыми“, мы этого не боимся. Это не так страшно. *Подлинное левое ленинистское крыло всегда остается там, где находятся рабочие. Отвоевать у социал-демократов широкие массы—вот в чем состоит подлинно революционная ориентация ленинизма.*

Здесь цитировали „меморандум“ германской делегации, который только сегодня попался на глаза: мы знаем в точности, когда он был написан [1]), мы просим конгресс не судить о нашем мнении на основании этого меморандума. В нем не выражено мнение российской партии; если вы хотите знать наше мнение, то мы согласны изложить его: меморандум неверен. В нем говорится, что мы будто бы стремимся к „брачному союзу“ с амстердамцами. Я боюсь, что это написали товарищи, которые действительно подготовили подобие такого „брака“ в „рабочем“ правительстве Саксонии. Вопрос ставят так: одно из двух—или союз с амстердамцами, или вон из профсоюзов.

Но возможна, представьте себе, и другая постановка вопроса. Справьтесь у русских меньшевиков. Уж с ними-то мы не заключали брачного союза.

---

[1]) Германская делегация впоследствии разъяснила, что „меморандум“ был написан в самом начале спора и был предназначен только для ознакомления русской и французской делегаций. Но, в виду того, что документ был цитирован на конгрессе, тов. Зиновьев остановился на нем.

Но мы и не вышли из профсоюзов, где они нас угнетали. Мы завоевали профсоюзы не в 20 месяцев, а в 20 лет. Если вам нужны только те руководящие линии, которые гарантируют победу в 20 месяцев, то таких мы не сможем дать вам; за это дело мог бы взяться только шарлатан. Мы знаем, что, несмотря ни на что, мы *завоюем* большинство рабочих. Если мы не сумеем сделать этого, не будет и пролетарской революции. О „браке“ с амстердамцами не может быть и речи. Такой брак с социал-демократами мы видели в прошлом году в Саксонии, но не в российской революции: здесь мы его никогда не увидим.

Это еще раз подтверждает, что германская партия должна до конца продумать этот вопрос. Если она в настоящее время еще возражает против некоторых переговоров с амстердамцами, то это, я думаю, происходит не по международным, а по чисто внутренним причинам, т.-е. потому, что в Германии партия еще борется сама с собой в вопросе о единстве профсоюзов.

Я говорил с несколькими товарищами, и мне кажется, что иные из них думают: пусть российские профсоюзы сами вступают в Амстердам, против этого мы не возражаем; только бы в Германии нас не принудили работать внутри с.-д. союзов. Можно ли считать такую точку зрения интернационалистской? Ни в коем случае. Если бы российские профсоюзы пошли сами к амстердамцам без Профинтерна, то это было бы настоящей капитуляцией Коминтерна и Профинтерна. Этого никогда не будет. *Наши российские профсоюзы—ленинские профсоюзы; они выступят здесь не как* российские профсоюзы, а как составная часть Красного Интернационала профсоюзов, и выполнят то, что решит Интернационал.

Германские товарищи должны смотреть на этот вопрос не с чисто германской, а с международной точки зрения.

Если мы взглянем на конгресс, мы увидим прежде всего три группы делегатов: страны, где коммунисты в профсоюзах уже имеют большинство, как, например, во Франции. В этом случае довольно легко принять решение: за слияние с реформистами, меньшинство пусть-де подчинится большинству.

Вторую группу составляют страны, где мы вообще еще не являемся существенным фактором в профдвижении. Тут товарищи относятся к нашему спору более или менее безразлично. В третью группу входят Германия, отчасти также и Чехо-Словакия, где мы не имеем еще за собою прочного большинства, но близки к этому, и где идет жестокая борьба между коммунистами и социал-демократами. Здесь вопрос стоит труднее всего; это я должен признать; мы видим это. Но все эти трудности не могут быть решающими.

Как с международной, так и с национальной точки зрения, предложение российской делегации абсолютно правильно.

Тов. Бордига говорит, что это было бы нашей моральной смертью, если бы мы сделали господам амстердамцам известные предложения, а они отвергнули бы их. Я спрашиваю: что это за странные взгляды. Если мы делаем какое-либо предложение классовому врагу, и он отвергнет его— значит ли это, что мы морально разбиты? Почему же? Ничего подобного! Возьмем пример из государственной жизни. Российское советское правительство предложило международной буржуазии разоружиться. Буржуазия отвергла это предложение. Значит ли это, что мы морально убиты? Если мы заявили господам социал-демократам: мы за

единство современного международного профдвижения,—а они будут против этого, то это будет нашей моральной смертью? Ни в коем случае. Посмотрите, как в Берлине желтый „Форвертс“ беснуется против какого бы то ни было единства профессионального движения в международном масштабе. Почему? Потому, что они боятся, что это может стать ударом, направленным против них. Это будет всем, чем угодно, но не ударом против нас.

Далее в этом „меморандуме“ говорится: германская делегация и вся германская партия якобы высказались против основания Красного Профинтерна, но, раз уж он был основан, надо, чтобы были сохранены старые формы. Это неверно. Вы плохо знаете историю своей собственной партии. Не германская партия, а Пауль Леви был против основания Профинтерна. Это большая разница. Германская партия вместе с нами была за его основание. Красный Профинтерн был основан в такой момент, когда казалось, что мы сможем прорвать неприятельский фронт лобовой атакой, и быстро завоюем профсоюзы. Я хорошо помню первое учредительное собрание Профинтерна. От имени итальянской делегации в заседании участвовал д'Аррагона, от английской—Роберт Вильямс, некоторые из них предложили „левые“ поправки к резолюции. Мы даже можем отметить тот факт, что к нам в то время в Москву приехал испанский профессор и заявил: „Хотя я и реформист, но испанские рабочие—коммунисты, и они требуют, чтобы я примкнул к III Интернационалу“. Мы ответили ему: „Пока вы не коммунист, вы не можете быть приняты в Коммунистический Интернационал“. Вот какие это были времена. Это было в то время, когда мы еще думали, что в самый короткий срок

завоюем большинство рабочих. Вы знаете, товарищи, что после этого движение пошло на убыль; все проблемы, все тактические затруднения Коминтерна за эти 5 лет коренятся именно в том, что развитие пошло гораздо медленнее, чем мы предполагали. Социал-демократия частично окрепла, также и в области профсоюзной работы. Теперь мы должны бороться с ней более медленными, трудными, обходными путями. Это и есть то новое, чего вы не хотите понять.

Далее спрашивают, что же нового в Англии. Ново так называемое левое крыло, которое, конечно не является действительно левым; это, мол,—только иллюзии.

Подумайте, товарищи, о том, что Англия—страна с наиболее развитым рабочим движением. Здесь Вайнкооп был безусловно прав, когда утверждал, что в этом смысле британское рабочее движение является решающим. В Англии мы переживаем сейчас начало новой главы рабочего движения. Мы еще не знаем в точности, откуда придет коммунистическая массовая партия в Англии—только через дверь ли Стюарта, Мак Мануса, или еще и через какую-либо иную. И весьма возможно, товарищи, что коммунистическая массовая партия может появиться хотя бы еще через *одну* дверь,—нельзя упускать этого из виду.

То, что сейчас происходит в Англии, имеет по меньшей мере такое же историческое значение, как то, что происходит в других странах Европы.

Я уже говорил германским товарищам: вполне естественно, что мы все привязаны к своей партии, к своей организации. Я привязан к Ленинграду, другие товарищи постоянно приводили примеры из Людвигсгафена или Гамбурга—это понятно. Но, товарищи, при всем уважении к Людвигсгафену,

Гамбургу, Ленинграду, я все же открыто скажу, что и Лондон имеет некоторое значение и, право же, не меньшее, чем названные города.

То, что происходит в Англии, имеет всемирно-историческое значение. Мы не должны быть слепы, мы должны видеть это. Иначе мы должны были бы основать германско-российский, или хотя бы... только европейский Интернационал. Но мы основали нечто иное, мы основали Всемирный Интернационал, всемирную партию. Поэтому германские товарищи не должны говорить: „Что нам за дело до российских или английских профсоюзов?“ Нам *есть* до них дело, так как они являются очень важной частью современного рабочего движения.

Что произошло нового? То, что Амстердамский Интернационал начинает распадаться, что в английском рабочем движении начался чрезвычайно важный процесс. Я не поддаюсь иллюзиям. Я безусловно уверен в том, что английские левые, конечно, — еще не революционеры, что они пока не лучше германских „левых“ социал-демократов. Но их появление — важное событие. Мы должны это понять, иначе мы не создадим пролетарского массового движения в Англии и тем более не вызовем там пролетарской революции.

Теперь российскому профессиональному движению делают предложение; я спрашиваю: имеет ли этот вопрос какое-либо значение хотя бы для России и для Англии? Да, и притом очень большое. Ответ, который российские профсоюзы дадут здесь, в Москве, будет иметь большие последствия в Лондоне.

Я спрашиваю, что же нужно ответить? Ответить нужно так, как требует точка зрения всего Интернационала. Некоторые думают, что здесь, быть может, имеют влияние дипломатические соображения. Это пустяки, Макдональд и его гвардия,

как чумы, боятся сближения английского движения с нами.

Если в германском меморандуме говорится, что сближение якобы помешает нам в деле мобилизации масс против „плана экспертов“, то я говорю: это такая святая простота, что я против этого не нахожу даже возражения. Совсем напротив товарищ Геккерт. Вам, накопившему в Саксонии такой большой парламентский опыт (смех), не пристало проявлять такую святую наивность. Вы, действительно, думаете, что Макдональд, или Грассман, или „Форвертс“ искренно верят в союз между нами и ими? Это будет таким „союзом“, в котором эти господа потеряют добрую половину своих голосов.

Напротив, первым вопросом, который мы поставили бы этим господам, если бы дело дошло до переговоров, был бы следующий: а как же, господа, проект экспертов? Мы поставим их к барьеру, мы заставим их ответить, мы скажем им, какова политика 2-го и Амстердамского Интернационалов в проблеме о проекте экспертов. Их политика—это политика 1914 года. Это—продолжение социал-предательства, только другими средствами. Это—тот же обман народных масс, как 4 августа 1914 года. Итак, эти господа хотят обделать это дело исподтишка. В тот момент, когда мы сможем где-либо поставить этот вопрос в международном масштабе, в затруднении будут они, а не мы.

Таким образом, все эти аргументы, приведенные в германском меморандуме, весьма искусственны. Перед германскими товарищами стоит только одно препятствие. Оно заключается в том, что они сами, в глубине своей собственной партии, еще не отказались от „шумахерства“.

Мы должны быть благодарны Амстердамскому Интернационалу хотя бы за то, что он дал нам

случай еще раз на международном конгрессе ребром поставить этот вопрос перед германской партией. Если кто либо действительно верит, что дело идет о брачном союзе с амстердамцами,—тогда дальше не о чем и разговаривать. Если бы я желал брака с амстердамцами, меня следовало бы выставить за дверь. Я, по крайней мере, сделал бы это с теми, кто действительно стремился бы к этому союзу.

Мы хотим направлять свое оружие так, как этого требует классовая борьба. А эти требования сейчас таковы, что мы обходным путем должны попытаться сохранить единство профсоюзов и завоевать большинство в них. Мы надеялись, что сможем победить лобовой атакой. Это не удалось. Теперь мы должны поставить тот же вопрос и пойти более медленным путем. Мы должны победить во что бы то ни стало. Кто искренно стоит за работу внутри профессиональных союзов своей страны, тот также искренно будет за тактику единства в международном масштабе. Это совершенно ясно. Только у того, у кого в национальном масштабе „болит живот", может болеть живот и в интернациональном масштабе (смех, одобрение). В таких случаях и пишутся меморандумы о брачных союзах. Я полагаю, что этот эпизод должен быть совершенно ликвидирован. Я не боюсь, что это может повредить германской партии.

Только в одном пункте я могу согласиться с нашими германскими друзьями, а именно в том, что вопрос еще не подготовлен, и все это не должно обрушиться на массы в несколько недель. В этом они правы. Действительно, тут нужно действовать так, чтобы подготовить дело. Мы не должны начинать единый фронт только сверху,—это мы уже осудили,—мы должны вести подготовительную ра-

боту в массах в течение месяцев. Если германские товарищи предложат это, у нас моментально исчезнут все разногласия. Необходимо теперь же решить, что мы должны подготовить почву в массах, что мы в международном масштабе организуем пропаганду лозунга „единства профсоюзов“, что мы уже теперь начнем во всем мире устраивать митинги на эту тему, взрыхлим почву и затем уже начнем переговоры. Нам нечего спешить. Но мы не должны также упускать из виду того, что здесь имеется нечто новое. На то мы и существуем, на то мы и вожди, на то мы и хотим быть вождями, чтобы видеть явления в самом их зародыше. Через два года это увидит даже дурак. Но тенденция уже теперь ясна. Нам нужно уже теперь предпринять кое что новое.

Итак, будем подготовлять почву, пойдемте в массы с этим лозунгом единства. Нам нечего бояться. Пусть враги исключают нас; мы ответим на это массовой кампанией за единство в международном масштабе — в Англии, в Германии, во Франции, во всем мире.

В меморандуме сказано:

„Рабочие массы с известным недоверием относятся к политике маневров, которая не дает немедленных ощутимых результатов“. Это не так. Рабочие—не дети. Они знают, что классовая борьба—это война, в которой нужна стратегия. Рабочие хорошо понимают это. Приведу небольшой пример. Каждый, кто знаком с психологией русского рабочего, знает, что политика нашей партии ни в одной области не пользуется такой популярностью в массах, как в области иностранной политики, т.-е. в том вопросе, где мы маневрируем в отношении к врагу. Массы любят это, они говорят себе: наша партия умеет маневрировать, она умеет и перехитрить врага, и защитить наши инте-

ресы. Мне кажется, что и в Германии это так. Вы знаете, что нередко ошибки вождей сваливаются на массы. Массы прекрасно поймут нашу политику по отношению к контрреволюционным вождям германских социал-демократов.

Наша политика должна теперь состоять в решительной ликвидации „шумахерства“ в германской партии и вообще во всем Интернационале. Препятствия велики. Буржуазия еще сильна. Она крахнет несомненно. Но нельзя преувеличивать развал буржуазии, чтобы не создавать иллюзий. Так дело не пойдет на лад. Буржуазия пока гораздо сильнее нас; она, конечно, погибнет, мы сломим ее, если не будем делать глупостей. Но величайшей опасностью для германской партии является сейчас недооценка сил буржуазии и с.-д. Мы понимаем революционные чувства, психологию германских рабочих; без них не было бы Коммунистического Интернационала. Но этого недостаточно. Нужно быть настоящими учениками Ленина и видеть в точном свете силу и хитрость буржуазии, а не недооценивать ее.

Итак, довольно „шумахерства“ в национальном и интернациональном масштабе. Мы обсудим тот или иной шаг по отношению к амстердамцам, но не будем говорить, что это должно привести к „брачному“ союзу с ними. Не на „крайне правый“ поворот, как сказал тов. Бордига, зовем мы вас, а вперед против банды буржуазных лакеев, к завоеванию большинства в нынешних профсоюзах не только в национальном, но и в международном масштабе. (Продолжительные аплодисменты).

Тактика коммунистов в профдвижении.

(Доклад т. А. Лозовского на V конгрессе Коминтерна).

Для того, чтобы наметить нашу линию на ближайший период, нужно прежде всего отдать себе отчет в состоянии мирового рабочего движения в настоящее время. Это характеризуется в общем и целом следующими чертами:

1. Общее отступление рабочих приостановилось. Во многих странах рабочий класс перешел в контрнаступление. В частности, в Англии последние несколько месяцев характеризуются громадной волной экономических забастовок, из которых каждая имела большое политическое значение, ибо рабочее правительство все время играло не двусмысленную роль защитника интересов буржуазии. Даже в Германии, где рабочий класс находится в наитруднейшем положении, последнюю *оборонительную* забастовку горнорабочих можно считать удавшейся. В Норвегии 6-месячная забастовка не сломала рабочего класса и профсоюзов. В некоторых производствах удалось добиться даже повышения заработной платы. Во Франции мы имели в начале этого года также ряд наступательных стачек.

2. Эти последние два года борьбы рабочего класса во всех странах закрепили связь между господствующими классами и верхушкой реформистских профсоюзов. Политическое штрейкбрехерство превратилось в штрейкбрехерство экономическое,

и мы видим громадное количество конфликтов, сорванных при помощи руководителей реформистского профессионального движения. Эту штрейкбрехерскую роль профсоюзные верхушки играли в последнее время во Франции, Англии, Норвегии, Германии и т. д. Можно сказать, реформизм завершил свой кругооборот: начав с защиты отечества, он кончил защитой предпринимательских прибылей.

3. Международная организация реформистских профсоюзов, известная под именем Амстердамского Интернационала, показала во время рурской оккупации свое бессилие и свою „антантовскую“ сущность.

4. Эта штрейкбрехерская роль Амстердамского Интернационала и его национальных организаций не могла не увеличить недовольства масс. Настоящий момент характеризуется усилением влияния Коминтерна и коммунистических партий в профсоюзах, при чем это влияние нашло свое выражение в выросшей роли коммунистических партий и революционных меньшинств в экономических боях пролетариата.

Этот рост коммунистического влияния на массы нашел свое выражение также в росте Профинтерна. Из международного комитета пропаганды, каким он был в первое время, Профинтерн стал подлинной международной организацией, стал, конечно, благодаря работе Коминтерна и коммунистических партий в профессиональном движении.

5. Этот рост коммунистического влияния в профессиональных союзах крайне обострил борьбу реформистов против „коммунистических дезорганизаторов“.

Помимо бешеного напора со стороны реформистов на коммунистическое движение, из недр Амстердамского Интернационала исходят попытки

приручить коммунистов, сделать их орудием, так называемого, левого крыла.

6. Вот эта эволюция Амстердамского Интернационала, превращение верхушки этой организации в орудие фашистской реакции, штрейкбрехерская роль амстердамцев в некоторых странах не только породили в массах желание выкинуть предателей из пролетарских рядов, но и создали настроение в некоторых слоях рабочих о безнадежности лозунга завоевания профсоюзов.

7. Бесплодность внутренней и внешней политики буржуазных правительств вызвала в широких массах пролетариата и крестьянства сильное недовольство, которое привело в некоторых странах (Англии, Франции, Дании) к образованию левых полусоциалистических правительств. Отсюда—рецидив реформистских иллюзий, вторая молодость Лиги Наций и международного бюро труда и надежды на то, что этим „левым“ правительствам удастся уладить и разрешить неразрешимые империалистические противоречия.

Через всю деятельность Коминтерна красной нитью проходит лозунг борьбы за единство, и естественно поставить вопрос: не устарел ли этот лозунг? Не отжил ли он свое время? Единство— не цель, а средство к цели. Если Коминтерн настойчиво на протяжении нескольких лет настаивает на лозунге борьбы за единство, то это не из отвлеченных соображений, а потому, что единство профдвижения является наилучшей ареной для развертывания коммунистической работы и создает наиблагоприятнейшие условия для завоевания масс. Исходя из этого принципа, Коммунистический Интернационал высказался самым решительным образом *против лозунга разрушения профсоюзов* и выдвинул в противовес ему *лозунг завоевания*

профсоюзов, ибо завоевание масс без завоевания профсоюзов невозможно. Но что это значит—завоевать профсоюзы? На этот счет имеются даже и сейчас некоторые недоразумения. Надо помнить,—завоевание профсоюзов не означает завоевания реакционной бюрократии,—аппарата. Завоевание профсоюзов означает завоевание масс—членов профсоюзов, и здесь никакие реакционные бюрократы, никакие подписки о верности (Германия) не могут помешать коммунистам увеличить свое влияние в массах. С какими лозунгами коммунисты должны итти в массы по вопросу о профдвижении? Здесь могут быть два лозунга: *единство или раскол*. Средины быть не может, и отрицательная сторона тактики германской компартии в этом вопросе до Франкфуртского конгресса заключалась в том, что она заняла среднюю позицию. Она не была за единство, она не была за раскол, она не боролась против ухода из профсоюзов,—т.-е., иначе говоря, у нее не было никакой профсоюзной политики.

Тесно связан с этим вопросом и следующий: если мы боремся за единство, если мы против разрушения и за завоевание профсоюзов, то какой лозунг должны мы дать по отношению к ушедшим и по отношению к рабочим, находящимся вне профсоюзов? Необходимо дать лозунг: „Обратно в профсоюзы“, при чем это „Обратно в профсоюзы“ должно, прежде всего, быть лозунгом для членов партии. Член партии, шатающийся за пределами союза или считающий ниже своего достоинства заниматься этим прозаическим делом,—не настоящий коммунист.

Что касается тех стран, где профдвижение уже расколото, где существуют параллельные организации, как, например, во Франции, в Чехо-Словакии, то там центральным лозунгом должно быть: *еди-*

ство через общий конгресс. Лозунг „борьба за единство“ не противоречит необходимости в известных случаях создать параллельную организацию, укреплять эту организацию и максимально усиливать ее.

Кризис в Амстердаме нашел свое выражение после оккупации Рура, когда некоторые руководители Амстердамского Интернационала, в частности Фиммэн, стали доказывать бесплодность и бессилие Амстердамского Интернационала, при чем эти лидеры только отчасти поняли причины этого бессилия. Организация, где национальные интересы стоят выше международных, не может быть Интернационалом.

На венском съезде Амстердамского Интернационала противоречия проявились по двум вопросам: отношение к русским профсоюзам и взаимоотношения между интернационалами по производствам и Амстердамским Интернационалом.

На съезде Амстердамского Интернационала стоял главным образом вопрос организационный: каковы пределы автономии Интернационалов по производствам, являются ли они частью Амстердамского Интернационала или нет, имеют ли они право принимать примыкающие к Профинтерну союзы и т. д. Но через все эти организационные споры красной нитью проходил все тот же старый и раскалывающий Амстердамский Интернационал политический вопрос: заключать ли блок с революционными союзами, или продолжать свой старый курс Лиги Наций и Международного Бюро Труда. Внешнее левое крыло как будто бы получило удовлетворение: три представителя от Интернационалов по производствам вошли сейчас в президиум Амстердамского Интернационала (Фиммэн, Кук и Смит). Смягчены некоторые формулировки, но по существу победа осталась целиком за правыми.

Если по спорным вопросам и были вынесены смягченные формулировки, политический смысл которых никого не может обмануть, то зато по остальным вопросам были вынесены такие же резолюции, как и раньше.

Вы все знаете, что на съезде Амстердамского Интернационала оформилось левое крыло, которое проявило себя главным образом по вопросу о русских профсоюзах.

Левому крылу Амстердамского Интернационала нужно помнить раз навсегда, что *поддержка их с нашей стороны не является единственной задачей нашей жизни и нашего существования.* Поскольку это входит в интересы революционного профдвижения, мы это сделаем. Мы, революционные союзы всех стран, можем открыто предложить левому крылу честную коалицию. Но честная коалиция возможна лишь на основе определенной программы. Мы эту программу выработали в мае 1923 г. на международной конференции транспортников и ждем осуществления ее от левого крыла. Мы что-то не слышали, чтобы эта резолюция, принятая в мае, была внесена на съезде Амстердамского Интернационала.

Но если левое крыло так непоследовательно, половинчато и в важнейших вопросах идет вместе с правым, то изменилось ли что-нибудь внутри Амстердамского Интернационала? *Левое крыло надо рассматривать, как отражение сдвига в широких массах.* Непоследовательность и половинчатость этого левого крыла не может помешать нам видеть тот в высшей степени важный факт, что массы, формально входящие в Амстердамский Интернационал, уже не те, какими они были год—два тому назад.

Если часть Амстердамского Интернационала двинулась влево, то мы должны отнестись к этому со всей серьезностью и сказать, что мы готовы протянуть руку для восстановления единства международного профессионального движения. О том, как это сделать, мы поговорим на расширенном пленуме исполкома и на III конгрессе Профинтерна, а сейчас перейдем к слабым сторонам нашей работы.

Все наши слабости и недостатки можно в общем и целом свести к следующему:

1. Прежде всего во многих странах коммунистические партии еще не создали фракций в профсоюзах. Есть партии, которые вообще относятся очень беззаботно к работе профсоюзов. Таковы, например, голландская и бельгийская компартии.

2. Сплошь и рядом наши компартии считают свою работу законченной, как только они завоевали руководство союзами. Раз руководство союзом—правление, председатель, секретарь—в наших руках,—так рассуждают некоторые товарищи,—дальнейшая фракционная работа является бесполезной. Это рассужденне глубоко ошибочно. Отсутствие руководства фракции приводит к тому, что союзы, считавшиеся под коммунистическим руководством, переходят в другие руки, как только тот или другой руководитель разрывал с партией. Если бы были фракции снизу доверху, то такие случаи были бы невозможны.

3. 3-й недостаток, который нужно также подчеркнуть в целом ряде партий,—это пренебрежительное отношение к параллельно сложившимся организациям, как рабочий секретариат в Голландии, рыцари труда в Бельгии, рабочий совет в Соединенных Штатах и т. д.

4. Параллельные революционные организации существуют во многих странах, и в том числе в Германии (унионы, независимые союзы), и вопрос о них не должен быть разрешен механически. Надо, конечно, бороться против отщепления небольших групп от крупных союзов, но когда они возникли, то нужно через фракцию оказать на них воздействие в том смысле, чтобы эти организации вели ту же самую политику, что и сама партия. Путь к этому—создание совместных комитетов действия.

5. В некоторых странах имеется тенденция концентрировать все свое внимание на революционных союзах (Франция) и ничего не делать среди параллельно существующих реформистских профсоюзов. С другой стороны, есть желание при наличии раскола возможно скорее вырвать из реформистских союзов всех тех, которые сочувствуют революционному обще-профессиональному центру. Обе эти тенденции неправильны и идут вразрез с нашими интересами.

6. Следующий вопрос, на который нужно обратить серьезное внимание,—это независимость профессионалистов от компартии. Классической страной в этой области всегда была Франция. За последнее время сделано довольно много шагов по пути подчинения всех членов партии, независимо от того, в какой области они работают, партийной дисциплине. Но это не только чисто французское влияние. Во всех странах, где имеются старое профдвижение и молодые компартии, это взаимоотношение существует. Члены партии, работающие в профдвижении, чувствуют себя больше профессионалистами, чем коммунистами. Такого рода настроение нужно во что бы то ни стало переломить. Такого рода взаимоотношения между пар-

тией и ее членами, работающими в профсоюзах, может привести к срыву революции.

7. Во многих партиях мы замечаем слишком отвлеченную пропаганду в профсоюзах. Эти партии ограничиваются общими пропагандистскими лозунгами и общими политическими вопросами. Конечно, необходимо внести в массы общеполитические вопросы, но объединение оппозиции в профсоюзах нельзя провести только лишь на основе общеполитической платформы. Необходима платформа общепрофессиональная и по производствам.

8. В области фабзавкомов дело обстоит крайне плохо. Более или менее широкая работа идет в Германии, но и здесь, если мы возьмем проделанную работу, мы увидим, насколько она еще недостаточна. Германским фабзавкомам не хватает повседневной программы действия. Следующей страной, где коммунисты имеют влияние на фабзавкомы, является Чехо-Словакия, но до последнего времени работа там была недостаточна, хотя созванный в последнее время районный съезд фабзавкомов показал, что здесь компартия имеет очень большое влияние.

9. Наши компартии ведут недостаточную борьбу против цеховых и корпоративных тенденций, а между тем они существуют в наших союзах. Возьмите французское революционное профдвижение. Оно построено по тому же типу, как и реформистское. То же самое можно сказать и о десятке других стран.

10. Можно привести целый ряд примеров, когда наши партии крайне плохо подготовляли общепрофессиональные и производственные съезды.

11. Недостаточна борьба против раскольнической деятельности амстердамцев и исключения

коммунистов. Конечно, партия протестует в своей прессе, но этого слишком мало. Я не знаю партии, которая бы свои протесты против исключения понесла на заводы и вовлекла в движение протеста несколько тысяч предприятий и заводов. Такого рода факты мне неизвестны. А между тем борьба с исключениями возможна только лишь таким путем.

12. Некоторое время в Германии были колебания по вопросу о том, как ответить на требования со стороны профсоюзных бюрократов дать подписку верности принципам Амстердамского Интернационала. Некоторые товарищи подходили к этому вопросу с моральной точки зрения. Но все скоро убедились, что партия должна разрешить этот вопрос для всех, а не каждый профессионалист в отдельности, исходя из моральных соображений. Ответ, который дало политбюро Германской компартии реформистским зубрам из АДГБ по этому вопросу, сразу разрешил все сомнения у многих коммунистов, а у реформистов этот ответ отбил охоту предъявлять требования о подписке верности амстердамским принципам.

13. В некоторых партиях замечается недооценка того, что естестественным полем единого фронта являются предприятие, фабзавком и профсоюз. Здесь нужно на практике единый фронт применять. Здесь на ежедневных вопросах, которые возникают перед рабочими, можно на опыте демонстрировать разницу между нами и нашими противниками.

14. Недооценка значения и роли профсоюзной работы сказывается во многих партиях в том, что центральные органы не обращают достаточно внимания на профессиональную работу. Нет хорошей профессиональной, пропагандистской и агитацион-

ной литературы. Партийная пресса занимается вопросами общими, отводя незначительное место профсоюзной прозе. Громадной реформистской и буржуазной прессе нужно противопоставить серьезную профессионалистскую прессу на долгие годы.

15. *Но основным и центральным недостатком всей нашей коммунистической работы в профсоюзах является отсутствие до настоящего времени комячеек в предприятиях и на заводах.* До тех пор, пока мы не создадим комячеек в предприятиях, до тех пор, пока мы не объединим разрозненных коммунистов в каждом производстве, *до тех пор, пока мы при построении наших фракций не будем исходить из этих ячеек, мы не сумеем взять в свои руки профессионально организованную рабочую массу.* Это не только организационный вопрос. Вопрос о комячейках в предприятиях очень большой и первейшей важности политический вопрос. Нельзя надеяться без этих наших основных органов двинуть в бой рабочую массу. И если бы меня спросили, где корень всех наших слабостей в профсоюзной работе, я без колебания ответил бы: *корень слабости—в отсутствии коммунистических ячеек на заводах и предприятиях.*

Наши ближайшие задачи заключаются в следующем:

1. Прежде всего, необходимо приступить к построению действительных фракций. Реформисты ведут всю свою борьбу и в политическом и в профессиональном движении под лозунгом: „Долой коммунистические фракции и ячейки“. Из этого нужно сделать тот вывод, что фракции необходимо создать и так организовать, чтобы они были совершенно неискоренимы. Фракции нужно строить снизу и строить их во всех решительно рабочих организациях, при чем построение фракций по про-

изводствам, районам и в общегосударственном масштабе должно итти параллельно с усилением контроля над членами партии, работающими в профессиональном движении.

2. Центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в массу, т.-е. на завод и в предприятие. Отсюда естественно обратить внимание на построение фабзавкомов. Необходимо в зависимости от специальных условий той или другой индустрии создавать объединения фабзавкомов не только по районам, но и по важнейшим концернам (электричество и т. д.). Фабзавкомы должны стать основой для перестройки всего профессионального движения в централизованные производственные союзы. Вопросы безработицы, наличия сырья, финансовых средств, контроля над производством, коллективного снабжения рабочих и т. д.—вот что должно лечь в основу работы и деятельности фабзавкомов. Необходимо, кроме того, установить непосредственную связь между крупнейшими фабзавкомами одного и того же производства разных стран.

3. Штрейкбрехерская роль профсоюзной верхушки ставит перед компартиями и меньшинствами в профсоюзах вопрос о создании боевых органов руководства экономической борьбой. Если официальные руководители профсоюзов выступают против стачки, то наиболее целесообразный способ—провести кампанию по выбору специального стачечного комитета или комитета действия для руководства экономической борьбой. В тех странах, где фабзавкомы не существуют, моменты экономических конфликтов крайне благоприятны для создания этих органов представительства рабочего класса. Создание стачечных комитетов и органов боевого руководства в момент массовых конфлик-

тов с предпринимателями даст нам только в том случае желательный результат, если партия будет систематически работать над созданием такого рода кадров. Необходимо устроить ряд школ и курсов для обучения рядовых рабочих основным проблемам профдвижения и тем вопросам, которые естественно возникают в экономических боях между пролетариатом и буржуазией.

4. Наряду с работой внутри старых реформистских организаций, необходимо объединить все независимые союзы и союзики и связать их в той или другой форме с меньшинствами старых союзов. Нужно стремиться к тому, чтобы ни один независимый союз, как бы мал он ни был, не остался вне руководства коммунистической партии; все они должны быть охвачены нашей коммунистической организационной сетью.

5. Большой и очень трудный вопрос—это взаимоотношения между нашими фракциями внутри профсоюзов и оппозиционными левыми элементами внутри профессионального движения. Наша задача заключается в том, чтобы вокруг фракций объединить все недовольные левые элементы, при чем форма этого объединения зависит от целого ряда условий, которые здесь трудно предусмотреть. Одно ясно: задача компартий — не только поддерживать уже существующее оппозиционное движение, но помогать ему, подталкивать его, вносить ясность и сознание в смутное недовольство масс, придавать этому движению организационную форму.

6. Эту работу по объединению оппозиции нужно вести на основе практической платформы, которая будет меняться в зависимости не только от страны, но и от производства. Надо воспользоваться тем недовольством, которое вызывает в широких массах предательское поведение профсоюз-

ных бюрократов. Разоблачение бюрократов должно носить характер систематический и беспрерывный. Нужно привлечь всю массу рабочих к контролю над действиями этих господ. Если партия сумеет привлечь широкие массы к тому, чтобы заинтересовать их прошлой и настоящей предательской деятельностью лидеров профдвижения, то каждый рабочий поймет закономерность лозунга: „Вон предателей-бюрократов из пролетарских организаций“. Этот лозунг должен быть популяризован в массах.

7. Это ни в какой мере не должно нам помешать вести систематическую борьбу за единство. Это относится не только к странам, где мы работаем внутри профсоюзов, но и там, где профдвижение расколото. Там, где существуют параллельные организации (Франция и Чехо-Словакия)—и там необходимо со всей решительностью всегда выдвигать на первый план наше желание восстановить единство профдвижения. Этот вопрос, как известно, довольно основательно дебатировался во Франции. Реформисты выставили лозунг: „Единство снизу“, что означает вступление революционных профсоюзов в реформистские союзы, при чем лозунг этот выдвинут на том основании, что реформистская конфедерация считает себя единственно законной организацией рабочего класса Франции. Унитарная конфедерация труда была права, когда она выдвинула, в противовес этому лицемерному лозунгу „законности“, лозунг слияния обеих конфедераций путем созыва съезда на основе пропорционального представительства и проч. Такой лозунг должен быть выдвинут, где имеются параллельные организации.

8. Пассивный уход из профсоюзов представляет собою громадную опасность для коммунистического движения. С этим явлением нужно вести самую

решительную борьбу. Ничего нового в пассивном уходе нет. Есть нервность и то, что Ленин называл — детской болезнью левизны. Если бы Коминтерн считался с этими настроениями, то нам не удалось бы построить настоящую компартию ни в одной стране. Такие настроения были уже в Германии в 1920 году, и Коминтерн их преодолел. Надо не только бороться против бегства из профсоюзов, но нужно выставить лозунг: „Обратно в союзы“, что бы по этому поводу ни говорили нервничающие товарищи.

9. Перед нами сейчас с особой силой встает вопрос об организации неорганизованных. Встал этот вопрос потому, что приток рабочих масс в профсоюзы давно уже приостановился. Довольно широкие слои рабочих по целому ряду причин (безработица, экономический кризис, предательство бюрократии и проч.) ушли из профсоюзов, и в странах, где процент организованных был всегда очень высок, сейчас имеется довольно большой процент неорганизованных рабочих. В Германии насчитывается промышленного и сельско-хозяйственного пролетариата около 23 миллионов, организованных сейчас—около 10 миллионов. В Англии промышленного и сельско-хозяйственного пролетариата около 16—17 миллионов, организованных—каких-нибудь 5½ миллионов. В Соединенных Штатах промышленных и сельско-хозяйственных рабочих—26—27 миллионов, организованных—меньше 4 миллионов и т. д. Наилучшая форма организации этих элементов—это фабзавкомы и комитеты по предприятиям. Это относится, как к тем рабочим, которые ушли из профсоюзов, так и к тем, которые там еще не были. Объединение рабочих вокруг фабзавкомов, создание в периоды борьбы особых стачечных комитетов и органов руковод-

ства и проч.,—таковы способы и методы объединения широких неорганизованных масс.

10. Наши компартии обычно равномерно распределяли свою работу среди рабочих, независимо от их специальностей. Между тем, нам необходимо выделить из всей массы пролетариата некоторые отрасли труда, на которые нужно обратить сугубое внимание, имея в виду роль этих рабочих в предстоящих классовых боях. Например, рабочие транспорта, горного дела, металлургии, химической промышленности, электричества и газовой промышленности могут сыграть очень большую роль в борьбе рабочего класса за власть. Если наши компартии не сумеют в ближайшее время создать себе серьезные опорные пункты в этих отраслях труда, то при завоевании даже большинства в других отраслях народного труда, социальная революция будет невозможна.

11. Для того, чтобы создать предпосылку совместных выступлений рабочих разных стран, для того, чтобы оказать противодействие, продолжающейся шовинистической травле буржуазной прессы и преодолеть национальную ограниченность реформистских верхов, необходимо приступить к созданию особых комитетов по важнейшим производствам между 2—3 странами: скажем франко-германский комитет горнорабочих, германо-польский комитет железнодорожников, германо-чешский комитет транспортников, франко-итальянский комитет моряков и т. д. Помимо таких производственных комитетов нужно создавать и комитеты, объединяющие рабочих всех производств. Такого рода организации рабочих всех производств (англо-русский комитет, русско-польский комитет и т. д.) могут сыграть громадную роль по объединению и мобилизации рабочих в наиболее напряженные моменты борьбы.

12. Очень серьезный вопрос для компартии— это влияние на профдвижение колониальных стран. До настоящего времени в этой области очень мало сделано, а между тем за последнее время мы видим со стороны реформистов попытки проникнуть в колонии. Компартии должны очень внимательно следить за ростом и развитием профдвижения в колониях, беспощадно бороться против своей буржуазии, которая душит в самом зародыше рабочие организации колониальных и полуколониальных стран и т. д. Рабочие порабощенных стран только тогда поверят нашим партиям, что они действительно хотят им помочь в создании организации, если они будут вести всю работу под лозунгом независимости колоний от метрополий. Этот лозунг даст возможность вести также борьбу против националистических уклонов и расовых предрассудков, которые находят свое отражение в профдвижении колониальных и полуколониальных стран.

13. Мы имеем еще несколько стран, где лозунг независимости и автономии профсоюзов имеет некоторый кредит. Под этим лозунгом ведется борьба против Коминтерна, Профинтерна и русской революции (особенно во Франции и Испании). Надо освободить профдвижение от анархической путаницы, а сделать это можно только в том случае, если коммунисты систематически и планомерно будут выбивать этих анархических путаников с занятых ими позиций, если коммунисты всегда будут итти в первых рядах борющегося за частичные и общие требования рабочего класса.

14. Мы очень мало знаем в общем и целом наших врагов. Мы знаем их политику, но очень мало знаем, как построены их организации. Между тем, знание противника является, как известно, предпосылкой успешности борьбы. Нам необходи-

мо покончить с этим благодушным отношением к такого рода серьезным проблемам. Нужно не только изучать противника, но и создать при партиях и профсоюзах экономическую контрразведку. Нужно знать наших врагов, и только тогда, когда мы будем знать всю подноготную предпринимательских организаций, мы сумеем точно определить силу сопротивляемости наших противников и шансы на успех борьбы с ними.

15. Наконец, последний вопрос, на который приходится обратить внимание, — это сохранение связи между членами профсоюзов после того, как они мобилизованы. В свое время во французских союзах существовали специальные кассы, так называемые, „копейка солдата". Это была форма воздействия профсоюзов на мобилизованных своих членов. Сейчас такого рода связь нигде не существует. Между тем, эту связь нужно сохранить. Ее нужно сохранить через организации молодежи и через союзы. Каждый, уходящий в армию рабочий, должен оставаться членом союза. Союз должен заботиться о том, чтобы член его не отрывался от рабочего класса. Надо серьезно заняться этим делом, надо, чтобы каждая партия продумала до конца и организационно и политически этот вопрос. Здесь не место входить в детали. Если мы согласны в основе, то остальное в практической работе приложится.

Таковы в общем и целом те задачи, которые стоят перед Коминтерном и компартиями. Естественно задать себе вопрос, должен ли Коминтерн менять свою тактику в области профдвижения или нет? Мы можем ответить на это со всей решительностью: нет. Пятый конгресс должен подтвердить все решения прошлых конгрессов в этой области. Мы должны признать со всей откровенностью, что

линия была правильная, что работа, которая проделана, несмотря на все ее недостатки, дала громадный результат, и если мы выросли во многих странах в массовую организацию, то только благодаря этой тактике в профдвижении. Тактику менять не нужно, ее нужно усовершенствовать, уточнить, сделать более гибкой, выдвинуть новые вопросы, и т. д. Все это может быть сделано только в том случае, если все партии поймут величайшее значение, какое имеют профсоюзы для борьбы рабочего класса за власть. Союзы—не случайно возникшая организация, они имеют определенное место в борьбе рабочего класса, они сыграют громадную роль в момент социальной революции, и еще большую роль на другой день после социальной революции. Вот почему необходимо со всей ясностью сказать, что без завоевания профсоюзов, т.-е. без овладения той массой рабочих, которая находится в профсоюзах, социальная революция невозможна. Как бы ни были плохи союзы, они все же объединяют в общем и целом лучшие элементы наиболее активной части рабочих. Предательство бюрократии не должно нас смущать. Что другое могут сделать эти господа? Они падают со ступеньки на ступеньку, но, тем не менее, в рабочей массе существует еще доверие к ним. Есть еще миллионы рабочих, которые идут не только за господами амстердамцами, но и за католическими, протестантскими союзами, и даже за крупными буржуазными партиями. С этим нужно считаться, не нужно впадать в отчаяние, в пессимизм, а планомерно организовать работу, что бы там ни было. Каждый коммунист — солдат революции. У нас есть линия, от которой не нужно отступать ни на шаг. Научно доказано, что реформизм идет по нисходящей линии, тогда как ком-

мунизм идет по линии восходящей. Вот почему мы ни на иоту не отступим от принятых решений и доведем дело завоевания союзов, т.-е. дело завоевания масс,—до конца.

Заключительное слово.

Вопрос, который вызвал наиболее живой обмен мнений и горячую дискуссию,—это вопрос о единстве.

Нужно ли изменить лозунг, данный Коминтерном,—о завоевании, а не о разрушении профсоюзов? Вы видели, товарищи, что мы не имели здесь открытых сторонников раскола, но скрытых сторонников его, людей, желающих во что бы то ни стало добиться раскола, здесь не мало. Они ходят вокруг этого вопроса, боясь подойти к нему вплотную и сказать открыто то, что они на самом деле думают. Нельзя же назвать хорошей коммунистической тактикой замазывание правды. Может быть, с точки зрения маневрирования это и хорошо, но мне представляется, что не следует делать таких маневров на коммунистическом конгрессе.

Если бы тов. Шумахер хотел сказать всю правду, он должен был бы здесь, с этой трибуны, нам сообщить о том, что он *делал* в Германии. Но— товарищ Шумахер очень ловкий оратор, поэтому слова его не соответствуют делам его: он делает гораздо больше в смысле раскола, чем он говорит. Тов. Шумахер подготовляет, организует, производит фактически раскол в Германии. А здесь он выступает и рассказывает о том, что речь идет только об организации ушедших, об организации тех, кто бежал из профсоюзов. Но, товарищи, для того, чтобы организовать ушедших из профсоюзов, нужно было раньше проделать определенную работу для

того, чтобы они ушли. И тов. Шумахер забыл сказать, что как раз он и его товарищи вели агитацию за этот уход из профсоюзов. Тов. Шумахер „забыл“ нам сообщить, что именно он как раз стремился к тому, чтобы увеличить количество ушедших из профсоюзов, что он заострял этот вопрос, что он стремился отлить в самостоятельные организационные формы то отвращение, которое существует в рабочих кругах к бюрократам. Чувство пассивности по отношению к профдвижению тов. Шумахер объяснял революционностью и рисовал великие перспективы, которые проистекут из организации новых профсоюзов. Он все время твердил одно и то же: „Создание новых организаций, создание новых профсоюзов—союзов индустрии, боевых союзов и т. д.—вот, что нас может спасти“.

Но, товарищи, прежде всего и здесь необходимо говорить правду. Эта правда по отношению к Германии заключается в следующем: в германской коммунистической партии довольно сильно течение среди рабочих против профсоюзов; есть рабочие в Германии, которые и слышать не хотят о профсоюзах. Это психологически понятно, но что менее понятно, это то, что есть *коммунисты*, которые становятся во главе этого течения, вместо того, чтобы бороться с этим явлением; они, чтобы оправдать инстинктивное отвращение рабочих к профессиональным организациям, стремятся создать из него целую теорию. Вместо того, чтобы повести решительную борьбу против проявления пассивности, они занялись возведением в принцип этого крайне отрицательного явления.

Тов. Шумахер принес сюда на трибуну целую кучу цитат, но он забыл процитировать кое-какие места из резолюции о профдвижении, которая принята была на франкфуртском конгрессе, где ком-

мунистическая партия Германии, при помощи Коминтерна, попыталась возвести плотину против дальнейшего разложения революционного профдвижения. Тов. Шумахер так увлекся цитатами, что „забыл“ как раз то место в резолюции франкфуртского партейтага, которое гласит,—что партия не позволит своим членам вести личную политику в профдвижении. Но, так как тов. Шумахер именно эту личную политику в профдвижении вел, то, естественно, что он как раз это важнейшее место в резолюции позабыл. Но мы ведь не обязаны следовать за тов. Шумахером и забывать основные пункты принятых нами решений? Мы поэтому напоминаем ему и другим о том, что в этой резолюции имеется очень много мест, которые *со всей* ясностью и решительностью говорят о необходимости работать в профсоюзах, о том, что каждый член партии должен быть профессионально организован, что партия будет бороться со всеми попытками разбить, расколоть профдвижение. Почему тов. Шумахер забыл как раз эти места из резолюции, которые идут по линии, намеченной Коминтерном?—Потому, что он хочет, чтобы Коминтерн вел другую линию в этом вопросе. Тов. Шумахер пытается отвлечь Коминтерн от той линии, которая была намечена предыдущими конгрессами. Он говорит: бывают такие моменты, когда член партии изолирован на международном конгрессе, но очень возможно, что следующий конгресс как раз станет на точку зрения того, кто на предыдущих конгрессах был в значительном меньшинстве. Я могу заверить тов. Шумахера, что он никогда не получит большинства на конгрессах Коминтерна, и по той простой причине, что во всей его идеологии и во всей теории, которую он пытался нам здесь сконструировать, нет ничего ком-

мунистического, и есть очень много анархического. Те, кто знает профдвижение латинских стран и особенно идеологию анархо-синдикализма, подтвердят, что в аргументации тов. Шумахера к конструкции его тезисов, в его речах есть очень много от этой абстрактной идеологии, и что все его рассуждения ничего общего с реальной, живой жизнью не имеют.

Тов. Шумахер, чтобы доказать справедливость своей путанной точки зрения, заявил, что, собственно говоря, во всем виноват Лозовский: он-де написал статью, от которой пострадала невинность тов. Шумахера. Вопрос этот был также поднят на этой трибуне тов. Рут Фишер. Тов. Рут Фишер также искала „отца“ (la recherche de la paternité) раскола. Виновника и отца этого раскола она тоже нашла в лице Лозовского.

Я должен констатировать, что тов. Рут Фишер применяет довольно ловкую тактику: она нападает на других, вместо того чтобы самой защищаться. Но даже и при такой благочестивой цели не следует итти против очевидностей. Есть напечатанные статьи, есть целый ряд постановлений и резолюций во всей международной прессе, и поэтому, вместо голословных обвинений, надо было бы привести кое-какие документы. Я мог бы цитировать большое количество таких документов, из которых можно было бы установить излишнюю слабость тов. Рут Фишер к не имевшим места фактам. Я мог бы указать, что в начале января т. г., когда стремление к расколу усилилось в рядах КПГ, я в своих статьях боролся против ухода, против бегства из профсоюзов. Я указывал в этих статьях, что такая тактика ничего общего с коммунистической активностью не имеет, что это не что иное, как отражение пассивности в массах, одним словом, что

эта тактика не может не привести нас к разгрому профсоюзов. Эта импрессионистская тактика не дает нам ответа ни на один вопрос, она предоставляет полную свободу действий нашим врагам-реформистам, которые при такой „умной" стратегической линии могут делать все, что они хотят. Но тов. Рут Фишер преподнесла нам еще одно утверждение. Уже второй раз повторяет она с этой трибуны, будто я предложил, как она выражается, „*центральный раскол*". По словам тов. Рут Фишер, Лозовский предложил созвать конгресс, при чем он якобы хотел разрезать большим ножем, как пирог, на 54 части все немецкое профессиональное движение. Эта „кондитерская" легенда просто выдумана. Зачем это понадобилось Рут Фишер? Для того, чтобы избежать ответа на основной вопрос: как велика доля ее собственной вины в этой профессиональной путанице.

Если бы тов. Рут Фишер хотела высказать то, что есть, она должна была бы выйти на трибуну и заявить:—„Да, доля вины лежит и на мне в этом вопросе; да, и я была за раскол и я путала". Но вместо этого тов. Фишер выходит на трибуну и сообщает, что во всем виновен Лозовский.

Геккерт прибавил к этому еще и грехи т. Зиновьева. Оказывается, что виновные—я и тов. Зиновьев: мы ввели, по словам Рут Фишер и Геккерта, в заблуждение германскую коммунистическую партию; отсюда-то и произошла самая главная путаница, отсюда все трудности в германском профдвижении. Выходит так, будто мы свели с пути истинного партию, призывали к уходу из профсоюзов, и будто мы предлагали проводить в профсоюзах вот эту кадриль вместо коммунистической тактики.

Но, к сожалению, факты здесь не совсем совпадают с утверждениями наших товарищей.

Каково было положение в Германии к концу 1923 и началу 1924 года? Левая полагала, что быть левыми значит во что бы то ни стало иметь свою особую тактику в профессиональном движении. Но, товарищи, откуда вы взяли, что левизна означает обязательно раскол? Если бы это было так, то самыми левыми в рабочем движении были бы анархистские болтуны, которые готовы учинить раскол 24 раза в сутки. Ошибка наших т.т. заключается не только в том, что они шли в хвосте настроений и, согласно известной пословице одного французского генерала: „Я их шеф, и поэтому тащусь за ними“, поддавались настроениям, но, главным образом, в том, что они эти неясные чувства, имеющиеся в массах, пытались оформить, вылить в теорию. Начались разговоры о новой тактике, о новой форме организации. В этом основная, по моему мнению, ошибка немецких наших товарищей. Ведь мы-то хорошо знаем, как происходил франкфрутский конгресс. Я был на этом конгрессе, как делегат исполкома Коминтерна, и поэтому могу напомнить забывчивому тов. Геккерту, кто был за, и кто против раскола. Тов. Геккерт говорил здесь, обращаясь к тов. Зиновьеву: „Вы виноваты в нашей путанице“. Но т. Геккерт забыл сказать, как письмо т. Зиновьева франкфуртскому партейтагу против раскола было взято „в штыки“ левым крылом франкфуртского съезда; он забыл сказать, что левые товарищи в течение нескольких недель не хотели даже опубликовывать этого письма. Почему они не хотели его опубликовывать? Да потому, что письмо тов. Зиновьева было против раскола. Тов. Геккерт, очень щедрый на цитаты, забыл упомянуть об этом немаловажном факте.

В Германии существует целый ряд трудностей, которые, конечно, нужно понять. Вся путаница вытекает из крайне сложной обстановки. Но было бы ошибкой искать виновников вне самой Германии. Если кто-нибудь и повинен в появлении на свет этой идеи о расколе, то менее всего Коминтерн и Профинтерн. Виновников всей этой теории и практики нужно искать в самой германской компартии.

Когда мы говорим о завоевании профсоюзов, то совершенно очевидно, что речь идет не о том, чтобы завоевать профбюрократов, союзные дома или союзные кассы. Но каждый раз, когда наши товарищи хотят изменить нашу испытанную тактику, они начинают говорить, что самый лозунг завоевания профсоюзов им недостаточно ясен — нужно-де что-то такое новое сказать и т. д. Эти попытки изменить наш основной лозунг должны встретить решительный отпор.

Я кстати напомню нашим немецким т.т., что в январе 1924 г. в статье „Настоящее и будущее профсоюзов и фабзавкомов в Германии“ я, обращаясь к сторонникам ухода из профсоюзов, говорил: „Те, кто до сих пор не понял, почему нужно работать в профсоюзах, должны в течение 12 месяцев каждый день читать книжку Ильича: „Детская болезнь левизны“—и только после этого они поймут, *почему революционеры должны работать в реакционных союзах.*

Некоторые товарищи просто обходят вопрос, между тем как коммунистам надо по этому поводу говорить совершенно ясно и открыто. Мы хотим, чтобы коммунистическая партия Германии не только сказала: „Мы против раскола“—этого нам недостаточно — мы хотим, чтобы коммунистическая партия Германии *работала и боролась за единство.*

Но для того, чтобы бороться за единство, нужно покончить с таким положением вещей, когда имеются десятки тысяч членов партии, бежавших из профсоюзов.

Почему в Германии такая сильная тенденция к созданию новых профсоюзов? Один товарищ, кажется, из Рура, мне так объяснил дело на франкфуртском конгрессе. Он сказал: „Когда социал-демократы выкидывают тысячу рабочих, тогда новый союз не возникает, а вот когда социал-демократы выкинут 5 или 10 чиновников из профсоюзов, то эти 5—10 чиновников немедленно приступают к созданию новой организации, к открытию своей лавочки“.

Не думаете ли вы, что мы имеем слишком много профессиональных бюрократов, которые чисто по-бюрократически подходят к вопросу и думают, что раскол начинается с того самого момента, когда они по тем или другим мотивам оказались вне профсоюзов.

В начале 1924 г., не помню в каком городе, в Руре имел место следующий любопытный факт: группа коммунистов-профессионалистов потребовала от партии санкции на немедленный раскол профсоюзов. Организация наша высказалась против. Тогда эти ужасно левые люди вышли из компартии и... вступили в социал-демократическую партию. Разве это не характерно?

О, это очень характерные факты, и я обращаю на них ваше внимани. Вот почему, когда мы слышим крик: „Мы желаем новой тактики“ и прочее,— мы должны подойти к вопросу очень серьезно и выяснить причины, его порождающие.

Тов. Рут Фишер сказала: „Мы делаем и сделаем все это для того, чтобы провести в жизнь решения франкфуртского конгресса“. Ну, а что вы

сделали до настоящего времени? Вы боретесь против т. Шумахера? Прекрасно, но рядом с т. Шумахером имеются и другие. В своем докладе я указал на то, что в Берлине имеется организация, которая называется: „Производственная организация Германии. Секция металлистов“. Что означает эта новая организация? Кто создал ее? Ее создал один из бывших чиновников союза металлистов города Берлина. По чьему поручению она была создана?—По поручению берлинской организации. Наша братская партия, которая сделала большие усилия для выпрямления своей линии,—а это нужно сказать на этом конгрессе, потому что это факт,—наша братская партия Германии недостаточно еще борется против этих уклонов. Сейчас недостаточно сказать: мы против раскола; надо, чтобы т.т., ушедшие из профсоюза, вернулись обратно.

Здесь один из товарищей сказал: если мы выступим с таким лозунгом, тогда десятки тысяч хороших коммунистов уйдут. Чтобы ушедшие по такому поводу были коммунистами, да еще хорошими, в этом позволительно усомниться. Если есть такие коммунисты, которые уходят, бросают партию из-за их несогласия с решениями мирового конгресса, то это не настоящие коммунисты. Может быть, это лично хорошие люди—может быть, но, во всяком случае, ничего коммунистического в них еще, очевидно, нет. Эти люди, может быть, будут коммунистами, но только в том случае, если партия сумеет вести настоящую коммунистическую линию.

Поэтому не выдумывайте ужасов, не терроризируйте нас такого рода возгласами: „Ваша тактика ведет к уходу десятков тысяч рабочих“. Хорошие коммунисты останутся, а те, кто колеблется, еще вернутся обратно. Уходящие в таких усло-

виях — не коммунисты и меньше всего, конечно, хорошие коммунисты (аплодисменты).

Теперь я позволю себе перейти к вопросу о единстве мирового профдвижения. С этим вопросом проделывали здесь на конгрессе довольно-таки экстравагантные вещи.

И знаете, кто защищает Профинтерн от Коминтерна и даже от самого Профинтерна—тов. Шумахер.

Тов. Шумахер с пафосом восклицает: „Это вы, т. т. Лозовский и Зиновьев,—ликвидаторы, вы хотите ликвидировать созданный всеми нами Профинтерн“.

Что Профинтерн—продукт коллективного труда, это несомненно. Но так же ли несомненно то, что мы хотим ликвидировать его? Это, как бы так помягче выразиться,—нелепая фантазия. В самом деле, в чем тут дело? Ряд товарищей говорил с этой трибуны: „Вы хотите разговаривать с руководителями Амстердамского Интернационала, и вы собираетесь это делать без всякой подготовки; никто не знает, о чем будет итти речь“.

Тов. Шумахер, который видит на 10 километров под землей, пошел дальше, он сказал: „Русские профсоюзы ведут какие-то закулисные переговоры“, желая создать впечатление, будто русские профсоюзы, Коминтерн и Профинтерн обманывают конгресс и маневрируют не только против реформистов, но и против всех коммунистических партий. Но т. Шумахер—слишком уж хитрый человек, он сам себя перехитрил. Не следует злоупотреблять даже хитростью.

Какие вопросы стоят перед нами и каково положение вещей? Таков ли сейчас Амстердамский Интернационал, каким он был год или два тому назад?—Да или нет? На этот вопрос мы можем

ответить со всей решительностью: кое-что изменилось в Амстердамском Интернационале. Эти изменения очень заметны на английском профдвижении. И пусть вас не смущает то, что представители этого левого течения голосуют еще вместе с правыми за антикоммунистические резолюции. Нельзя оценивать профессиональное движение только по головам его руководителей. Головы бюрократов являются в настоящем случае барометром. Если мы хотим построить нашу тактику на движении миллионов, надо понять, что левые, хотя и искаженно, как в кривом зеркале, но все же отражают недовольство широких масс. Коммунистическая тактика заключается в том, чтобы всегда уметь нащупывать то, что произошло нового в глубинах рабочей массы, несмотря на каррикатурные формы, которые эти изменения принимают в головах некоторых рукововодителей. Вот если с этой точки зрения рассмотреть то, что происходит в настоящее время в Амстердамском Интернационале, мы должны будем признать, что Амстердамский Интернационал уже не тот, каким он был раньше. В Англии имеются, несомненно, серьезные изменения. В 1924 г. мы присутствуем при любопытном явлении, когда генеральным секретарем союза горнорабочих Великобритании выбран левый. Он выбран при помощи наших голосов, он стоит на нашей платформе. Он получил 227 тысяч голосов, в то время, как соперник его получил около 200 тыс. голосов. Не менее характерной является также конференция горнорабочих Южного Уэльса, на которой представлено было около 200 тыс. рабочих. Эта конференция высказалась недавно за присоединение к Профинтерну и за то, чтобы этот вопрос был поставлен на предстоящем конгрессе федерации горнорабочих.

Есть еще целый ряд явлений, в высшей степени важных и интересных, которые необходимо учесть, если хочешь понять, что происходит в мировом рабочем движении. Если бы этого не поняли, мы не были бы коммунистами. Надо понять, что происходит в самой толще рабочей массы, и отсюда делать необходимые для нас политические выводы.

И еще одно. Когда мы говорим о необходимости делать те или другие предложения Амстердамскому Интернационалу, то каждого из нас прежде всего волнует следующее: как эти предложения повлияют на рабочую массу во всех странах и можно ли на основе этих предложений мобилизовать все новые и новые слои рабочих, стоящих еще вне нашего влияния. Когда же противники этого предложения говорят по этому же поводу, то их волнует другое,—они сейчас же спрашивают: „Стало быть, нам нужно будет сидеть за одним столом с Лейпартом, Грассманом, д'Аррагона, Мертенсом, Жуо и прочими?" Но, товарищи, вопрос о том, что нам в определенный момент пришлось бы сесть за один стол с этими господами, все-таки десятистепенный. Главное, что нас интересует и что нас должно интересовать, это следующее: те предложения, которые мы сделаем, — дадут ли они нам возможность приблизиться к тем рабочим, которые еще находятся в реформистских союзах; можно ли на основе наших предложений проникнуть в реформистские организации; можно ли, рискуя даже в течение 2—3 дней страдать от присутствия господ Жуо, привлечь на свою сторону еще более широкие симпатии нашего рабочего класса, — вот в чем весь вопрос. Все же остальные вопросы — пустяки по сравнению с ним.

Заметьте, что сторонники этой тактики говорят все время о завоевании масс, а наши противники упорно твердят о том, как им неприятно разговаривать с Жуо, как будто бы наше предложение имеет своей задачей заключить дружественный союз с этими господами для совместного чаепития. Уверяю вас, товарищи, если кто-либо питает более, чем относительную любовь к этим господам. то это, несомненно, мы. Можете быть уверены, что никто в Москве не хочет ликвидировать Профинтерн. Когда тов. Шумахер защищает Профинтерн от меня, то я могу все-таки сказать, что мне кое-что сделавшему для создания и оформления этой организации, Профинтерн не менее дорог, чем тов. Шумахеру. Менее всего я думаю о ликвидации Профинтерна. Наша тактика приведет как раз к обратному: к ликвидации Амстердамского Интернационала. В этом я глубоко убежден. Если вы думаете, что это просто фантазия, тогда разрешите предоставить слово социал-демократам, и в частности—немецким. Они—люди практическим и сразу понимают, в чем дело. Процитировав мою статью, и особенно то место, в котором я говорю, что на съезде Амстердамского Интернационала стоял вопрос о том, с кем итти, с левым крылом рабочего класса или с левым крылом буржуазии,— „Форвертс“ пишет:

„Пытаются воздействовать на Амстердамский Интернационал и использовать английские профсоюзы и международные секретариаты против него. Московские стратеги скоро убедятся, что они ошибаются“.

Кто ошибается, это мы в ближайшее время увидим, но надо сказать, что „Форвертс“ проницательнее многих из наших коммунистов. В самом деле, в чем опасность для них в нашем предло-

жении? Это не „маневр единства“, как неудачно выразился тов. Риенци. Нет, это проявление нашего пламенного желания единства мирового профессионального движения (аплодисменты).

Товарищи, я уже говорил, что мы марксисты. Еще старик Гегель сказал, как вы знаете, что истина конкретна. Мы—марксисты, и поэтому мы не знаем фетишей.

Единство не является фетишем для нас. Мы за единство, потому что оно дает нам возможность увеличить поле действия для коммунистов (аплодисменты). Предложения, которые были сделаны в статьях с попутной критикой левых, вызвали беспокойство в социал-демократической прессе. „Форвертс“ по этому поводу пишет:

„Таково поведение этих мастеров единого фронта, так обращаются они с теми из наших товарищей, слабость которых как раз и заключается в несчастной любви, которую они питают к единому фронту с Лозовским и К^0, которые построили весь профессиональный аппарат в России на базисе диктатуры над пролетариатом“.

Так пишет орган социал-демократии по поводу сделанных мною предложений. Смысл этого беспокойства можно формулировать так: „Берегитесь маневров Москвы, — они хотят вас обмануть, невинные англичане, они хотят наложить лапу на профессиональное движение всех стран“. И дальше. Перед нами определенное решение венского конгресса Амстердамского Интернационала. Решение это гласит: „Конгресс поручает своему бюро войти в переговоры с русскими союзами для того, чтобы они присоединились к Амстердамскому Интернационалу на основе статута этого Интернационала“. Предложение, сделанное открыто, должно получить и открытый политический ответ,—ответ, по-

нятный самым широким рабочим массам. Есть три возможности в этой области:

1) Послать их к чорту. Это очень просто и не требует особенного напряжения мозгов. Судя по некоторым речам, товарищ Бордига склонен к такому простому, но решительному ответу. Шумахер, вероятно, тоже; найдутся и другие. Но если бы мы дали такой ответ, наши противники выиграли бы.

2) Можно принять предложение Амстердамского Интернационала: русские союзы выходят из Профинтерна, вступают в Амстердамский Интернационал, признают его программу и стремятся распустить Профинтерн. Этого добиваются амстердамцы. Я думаю, что в наших рядах не найдется ни одного такого человека, который высказался бы за такого рода решение вопроса. Русские союзы являются органической частью мирового профдвижения, они не могут иметь какой-то особой, независимой от Коминтерна и Профинтерна тактики. Выйти из Профинтерна, распустить Профинтерн — об этом могут мечтать амстердамцы в бессонные ночи, и вряд ли есть смысл опровергать эти сумасшедшие пустяки.

3) Остается третий выход. В ответ на маневр амстердамцев, желающих дезорганизовать Профинтерн, вырвав из него русские союзы, мы отвечаем предложением восстановить единство мирового профессионального движения путем созыва *международного конгресса единства* на основе пропорционального представительства. Мы обращаемся к Амстердаму и одновременно к рабочим всех стран и говорим: единство может быть восстановлено только лишь путем конгресса, на котором будут представлены союзы, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу и к Профинтерну,

а равным образом, союзы, которые находятся вне обоих Интернациалов. Мы готовы взять на себя обязательство распустить нашу организацию и раствориться в новом объединенном Интернационале, если вы примете на себя аналогичное обязательство ликвидировать Амстердамский Интернационал.

Из всех этих трех ответов, *какой* выгоднее для международного рабочего движения, какой ответ даст лучшую возможность привлечь внимание к этому вопросу широких рабочих масс? Конечно, третий. Почему? Да потому, что мы всегда были за единство. Потому, что мы на маневры отвечаем честным предложением — восстановить единство международного профессионального движения. Я спрашиваю вас, разве такого рода предложение не даст возможности коммунистическим партиям всех стран шире распространить свое влияние на массы и отбить стратегические маневры Амстердама, мобилизовав общественное мнение пролетариата вокруг нашего лозунга? Я утверждаю, что это единственный ответ, который мы можем и должны дать. Рут Фишер нам здесь сказала: „Но ведь ваше предложение упало с неба, надо подготовить массы. Ради бога, не принимайте по этому поводу никаких резолюций, дайте нам возможность раньше подготовить рабочих к этому". Но позвольте, тов. Рут Фишер, к чему вы собираетесь готовить массы, на основе какой платформы хотите вы их мобилизовать, что скажете вы немецким рабочим по этому вопросу, раз вы предлагаете не принимать никакой резолюции?

Чтобы готовить массы, нужно знать самим, чего мы хотим, но ведь вы-то как раз не хотите принять этого лозунга, какая же это будет подготовка? Она будет состоять в том, что вы будете под-

готовлять массы против этого предложения; в лучшем случае, вы создадите путаницу. Одни будут говорить, что „русские союзы хотят войти в Амстердам“, другие будут рассказывать фантастические сказки о каких-то закулисных переговорах, третьи, за отсутствием ясной программы, будут высасывать сведения из пальца. Так как вы против лозунга международного конгресса единства, лозунга слияния двух Интернационалов,—в ваших интересах запутать вопрос. В чем будет состоять подготовка, какую вы будете вести кампанию? Массы мы можем подготовить только в том случае, если мы сами знаем, чего хотим. Тов. Рут Фишер слишком большой дипломат, она ходит вокруг да около вопроса, фактически не затрагивая его. Может быть, и хорошо делать такого рода упражнения, но в политике нужно кое-что более серьезное. Международное рабочее движение не может удовольствоваться такого рода уклончивыми формулами. Я глубоко убежден в том, что если конгресс или расширенный пленум исполкома не примет ясной и точной резолюции по этому вопросу, если конгресс Профинтерна не ответит ясной, точной и недвусмысленной резолюцией,—то наши немецкие товарищи так „подготовят“ массы, что увеличат путаницу, которая существует даже в головах некоторых здесь присутствующих делегатов.

Я тоже за подготовку: надо устраивать митинги, собрания, надо перенести вопрос на фабрики и заводы. Но прежде всего нужно точно знать, чего мы хотим. Иначе подготовка будет сделана в каждой стране на свой лад, и мы вместо единой кампании получим международную путаницу. (Аплодисменты).

Припомните, товарищи, что аналогичные речи мы уже слышали, когда вопрос стоял о едином

фронте. Те же товарищи говорили: „Как сесть за один стол с реформистами? Вы хотите ликвидировать партию и пр., и пр.“. Теперь вы знаете, что все это было не чем иным, как проявлением косности и боязни новых лозунгов и новых методов борьбы. Те, кто возражал против тактики единого фронта, даже не особенно трудились продумать этот вопрос. Но ведь Коммунистический Интернационал обязан думать. Когда условия меняются, нужно менять тактику. Если бы мы остались на одном месте, мы никогда бы не разбили наших врагов. Наши враги гораздо более гибки, умеют лучше приспосабливаться к меняющимся условиям, чем многие и многие руководители коммунистического движения. Некоторые товарищи думают, что главная коммунистическая добродетель состоит только в том, чтобы повторять несколько истин, при чем повторять их по всякому поводу и без всякого повода. Нет, товарищи, это не то, что нам нужно. Коммунистический Интернационал должен иметь гибкую тактику. Он должен уметь делать крутые повороты. Коминтерн у руля революции, а тот, кто находится у руля, должен уметь круто поворачивать всю машину. В политике прямая линия всегда кратчайший путь к победе. Если коммунистические партии не будут этого знать, они никогда не увидят победы. В наших предложениях Амстердамскому Интернационалу мы не руководствуемся какими-либо особыми интересами Москвы. Заметьте, что каждый раз, когда Коминтерн предлагает что-нибудь новое, вы встречаете противодействие, находятся люди, которые говорят — лучше следовать по старому пути. В этом отношении идеалом является Амстердамский Интернационал. Там спокойно, как на кладбище, ни одной новой идеи, ни одной новой мысли. Но мы, международ-

ная партия революции, мы должны приспособлять нашу тактику к меняющимся условиям. В этом и заключается ленинизм. Ленин знал тактику крутых поворотов. Возьмите 20-летнюю историю нашей партии и семь лет нашей революции, и вы увидите, скольких опасностей избежали мы, благодаря этому умению круто поворачивать руль. Я призываю все партии проникнуться этой большевистской, чисто ленинской гибкостью. Не надо сектантства, нам нечего бояться господ реформистов. Мы не садимся за стол с реформистами из-за прекрасных глаз, а ради тех миллионов рабочих, которые с ними, и ради тех миллионов рабочих, которые не только не с нами, но даже и не с ними (возгласы: верно).

Вот почему, дорогие товарищи, Коммунистический Интернационал должен уметь выбирать подходящий момент для нового лозунга, для того, чтобы поставить перед рабочим классом всех стран проблему единства мирового профессионального движения. Мы не должны предоставить господам реформистам, раскидывающим мировое профессиональное движение и предающим революцию, монополию борьбы за единство. Ни в коем случае! Коминтерн—за единство международного профессионального движения, и он добьется этого во что бы то ни стало. (Оживленные аплодисменты).

Ближайшие задачи революционного проф-движения.

(Доклад т. А. Лозовского на III конгрессе Профинтерна).

Какой важнейший вопрос стоит в настоящее время перед нами? Если раньше, в самый расцвет реформизма, мы выставляли, как лозунг дня, как важнейший, как центральный пункт нашей борьбы, единство профессионального движения, то тем более сейчас, когда эта передвижка началась, когда результаты начинают уже сказываться, и внутри Амстердамского Интернационала происходит процесс такого внутреннего перерождения—отделения низов пролетариата от верхушек,—*особенно сейчас лозунг борьбы за единство приобретает исключительное значение.* Что означает для нас этот лозунг? Мы никогда не были фетишистами организаций, и наша борьба за единство исходит не из абстрактных соображений, не из преклонения перед формой, а из того данного нам опыта наблюдения, что единая профессиональная организация представляет собой более широкое поле для воздействия на массы и оплодотворения ее коммунистическими идеями. Вот из этого нашего опыта мы и исходим в нашей борьбе за единство. *Мы продолжали эту работу и мы эту работу должны продолжать, каковы бы ни были настроения у отдельных рабо-*

чих групп, каково бы ни было разочарование, которому вообще не должно быть места в нашей среде. Вот почему Профинтерн самым решительным образом должен вести ожесточенную борьбу против упадочных, импрессионистских настроений, нашедших свое выражение в германской компартии в смысле ухода и оставления союзов.

Но что означает эта борьба за единство? Означает ли это голую абстракцию и лозунги? Отнюдь нет! Борьба за единство означает борьбу внутри рабочего класса за единые действия, и только на этой почве можно самое единство скрепить, усилить, оформить и эту единую организацию сделать орудием революции. Если мы должны дальше итти под лозунгом борьбы за единство, то мы должны выдвинуть и отстаивать лозунг: обратно в союзы те, кто ушел оттуда и в первую голову те, кто претендует на звание авангарда. Если несознательный рабочий уходит, то это еще кое как понятно, но когда таким делом начинают заниматься коммунисты, то это уже совершенно непонятно, и это должно быть самым решительным образом осуждено. *Наш лозунг был и остается— завоевание союзов.* Но что это означает? Означает ли это завоевание профсоюзной бюрократии? Ставим ли мы перед собой задачу завербовать бюрократическую верхушку, доказать ей, что классовая борьба выгоднее для пролетарских масс, чем соглашательство? Нет, товарищи, мы таким пустым делом не занимаемся. *Завоевание союзов означает ожесточенную борьбу против профессиональной бюрократии, за овладение сознанием рабочего класса. Не бюрократы, не дома и кассы нас интересуют,— нас интересует сознание рабочих масс, вовлечение их в активную борьбу и превращение каждого рядового члена союза в сознательного борца за наши*

идеалы. Чем сильнее растет оппозиционное движение внутри профессиональных союзов, тем больше перед нами попыток со стороны бюрократов уничтожить даже малейшие следы всякого демократизма в профессиональном движении. И мы присутствуем при любопытном перерождении всех профессиональных организаций. Господа - амстердамцы, которые сделали своей специальностью демократию, вводят теперь в профессиональных союзах режим исключительно бюрократического решения вопросов. Массы мало принимают участия, аппарат профессиональных союзов все решает. Борьба против профсоюзной бюрократии, борьба за то, чтобы масса участвовала в решении всех вопросов, борьба против бюрократов, игнорирующих массу,—вот, что должно стоять перед нами во всех союзах там, где мы находимся в меньшинстве, и каждое новое предательство профессиональной верхушки должно только усилить, обострить нашу борьбу под лозунгом: *война предателям интересов рабочего класса.* Для тех товарищей, которые заменяют программу нервами, будет полезно вспомнить, что писал Ленин по вопросу о том, нужно ли революционерам работать в профессиональных союзах.

Я позволю себе лишь несколько строчек процитировать, хотя все это, как будто бы, знают. Но, товарищи, не всякий знающий наизусть Ленина поступает по-ленински. Недостаточно знать все то, что писал Ильич, а нужно уметь применять это в повседневной политической борьбе. Вот что писал Ленин:

„Не работать внутри реакционных профсоюзов это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристо-

кратов или „обуржуазившихся“ рабочих. (См. Энгельс, в 1852 г., в письме к Марксу об английских рабочих).

„Как раз нелепая „теория“ неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти „левые“ коммунисты относятся к вопросу о влиянии на массы, как злоупотребляют они своими выкриками насчет „массы“. Чтобы уметь помочь „массе“ и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку „массы“, надо не бояться трудностей, не бояться придирок, подножек, оскорблений, преследований со стороны „вождей“ (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно *работать там, где есть масса*. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса“.

Мы как будто все это знаем, кажется, что это азбучная истина, но, товарищи, эта истина, еще не для всех азбучна. Мне пришлось потратить довольно много труда в борьбе против упадочных настроений, прикрываемых революционной фразой. Борьбу против революционной фразы нужно и дальше вести и ни в коем случае не отступать от линии, намеченной Лениным, всеми конгрессами Коминтерна и Профинтерна.

Наша работа внутри профессиональных союзов сводится к тому, что мы сплачиваем, объединяем и оформляем определенные группы рабочих на основе нашей платформы. Но сдвиг в рабочем дви-

жении выявляется в том, что рядом с совершенно оформленными группами, воспринимающими нашу идеологию, имеется то, что носит название оппозиции. Это вообще недовольные элементы, из которых одни членораздельно, а другие нечленораздельно выражают свое недовольство. Стало быть, большой политический вопрос стоит перед нами, каковы должны быть взаимоотношения между нашими сторонниками, имеющими определенную идеологию, определенную программу, и этой неоформленной оппозицией. Можем ли мы махнуть рукой на эту оппозицию и сказать, что это пустяки, что они путаются в своих социал-демократических сетях, а мы будем ждать, когда они сами распутаются и к нам придут? Нет, товарищи, это была бы ошибочная тактика. Наша задача заключается в поддержке каждого малейшего оппозиционного движения внутри профессиональных союзов,—движения, направленного против старой бюрократии, имеющего задачей борьбу (хотя бы недостаточно последовательную) против бюрократических навыков, бюрократической системы борьбы, против всего того, что характеризует собой нынешнюю профсоюзную, реакционную бюрократию.

Мы видели в последний год следующие явления. На основе разочарования тактикой и предательствами бюрократии довольно большие слои рабочих начали покидать союзы. Лучшие ли это элементы в рабочем движении, сознательнейшие ли это элементы? Нет, уход из союза захватил различные группы, тут имеются нетерпеливые коммунисты, которым зазорно сидеть в реакционных союзах, и им кажется, что лучше будет, если они оттуда убегут. Тут имеются люди, которые разочаровались вообще и говорят, что они не видят никакого толка в профсоюзах, которые не стоят

того, чтобы им деньги платить. Есть люди, которые ушли потому, что имеется безработица, тяжелый экономический кризис и проч. Во всяком случае, имеются широкие слои рабочих, прошедших некоторую школу организации и ушедших из организации. Помимо бывших организованных, имеется много миллионов неорганизованных рабочих, и проблема организации неорганизованных выступает с особой рельефностью в настоящее время. Она стоит перед нами, как практическая задача дня. Что делать, как организовать неорганизованных, какими методами и способами привлечь на нашу сторону те элементы, которые разочаровались, или которые еще даже не были в организации (а таких много миллионов)? Естественный сборный пункт для неорганизованных—это, конечно, профессиональные союзы, и как бы мы ни ненавидели реформистские союзы, но мы должны работать внутри этих союзов, мы должны бороться под лозунгом „обратно в союз" для тех, кто уже входил в союзы, и вхождения в него для тех, кто там еще не был. Как бы мы ни ненавидели бюрократию (а мы все знаем, как мы ее ненавидим до глубины души), но этот лозунг должен остаться для нас незыблемым. Мы имеем еще одно любопытное явление. Имеются страны с крупно-капиталистическим производством, как, например, С. Штаты Сев. Америки, где по некоторым производствам еще нет союзов. Там, где их нет, задача, конечно, для сторонников Профинтерна заключается в том, чтобы их создать и включить в общее профессиональное движение. Было бы в высшей степени большой ошибкой, если бы под флагом организации неорганизованных начали создавать параллельные союзы. Организовать неорганизованных можно двумя способами: во-первых, нашей тактикой еди-

ного фронта и, во-вторых, работой по созданию фабрично-заводских комитетов.

Что показал нам опыт единого фронта? Он показал, что эта тактика оправдала себя, несмотря на ряд ошибок, которые были допущены во многих странах. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Конечно, и в этом случае был некоторый схематизм; были случаи, когда от времени до времени посылалось в соседнюю реформистскую организацию какое-нибудь письмо, это письмо печаталось, и потом вообще забывали о том, что такое письмо было послано, т.-е. в некоторых случаях тактика единого фронта сводилась к периодическому почтовому обмену письмами с реформистскими организациями.

Это не тактика единого фронта,—это посылка писем, и относится она скорее к почтовому ведомству, а к тактике единого фронта имеет небольшое отношение.

Тактика единого фронта заключается в том, что каждый наш акт, каждое предложение, которое делается нами, должно пройти через массу на заводах, на фабриках и т. п. Рабочие должны обсудить, зачем такой шаг предпринимается, что этот шаг означает, какой в нем смысл и т. д. Нужно, чтобы над каждым нашим предложением сотни тысяч и миллионы рабочих думали. Только в этом случае может принести какую-нибудь пользу и переписка.

При всяком предложении единого фронта нужно думать не о том, как встретят наше предложение те или другие реформистские зубры—это для нас десятистепенная забота. Нужно думать, как к этому отнесутся широкие массы нереформистских и неорганизованных рабочих. Вот под каким углом зрения мы должны подходить к этому важнейшему

вопросу. Мы полагаем, что лозунг тактики единого фронта *только снизу*—лозунг ошибочный. В одних случаях можно и снизу и сверху, но нужно применять тактику единого фронта так, как это в данной обстановке нам выгодно. Я уже на съезде Коминтерна спрашивал противника тактики единого фронта: что можете вы сказать против международной конференции транспортников, которая была в Берлине в мае 1923 года? А это был опыт единого фронта сверху. Какие у вас соображения против этого? Никто ничего не мог по этому поводу сказать, ибо каждый мог признать, что эта конференция была выгодна для развития коммунистического движения, она дала нам возможность в дальнейшем развить нашу борьбу и разоблачить реформистов, которые саботировали принятые нами решения.

Вторым, наиболее естественным сборным пунктом для неорганизованных являются фабрично-заводские комитеты. Что нами было в этой области сделано в международном рабочем движении? Крайне мало. Даже в Германии и в Чехо-Словакии, где фабрично-заводские комитеты имеются, еще не проделано и сотой части работы, которую нужно было проделать в фабрично-заводских комитетах. До тех пор, пока мы не будем иметь этих основных опорных пунктов на каждом заводе, на каждой фабрике,—мечтать о революции совершенно напрасно. Без этого основного рычага, который может поднять все заводы в решительный момент, мы не сможем добиться решительных результатов и рискуем потерпеть поражение в предпринимаемых нами боях.

Фабзавком является естественным местом для организации единого фронта снизу, и тем товарищам, которые говорят—только единый фронт сни-

зу,—мы отвечаем: пожалуйста, делайте его. Против единого фронта, откуда бы, из какого бы конца его ни делали, возражений не будет. Но только *делайте* этот единый фронт, *организуйте* массы, а *измерять* успех этой тактики мы будем *по количеству совместных выступлений, по количеству сотен тысяч и миллионов рабочих, которые будут втянуты в те действия и выступления, которые вы предлагаете и выдвигаете.*

Надо в нашей борьбе за фабрично-заводские комитеты иметь в виду, что они в ближайшие годы должны стать базисом, основой, фундаментом профессионального движения, которое, со своей стороны, должно будет быть построено по производственному принципу.

Заключительное слово.

Наиболее страстные прения разыгрались здесь у нас вокруг вопроса о единстве. Как мы понимаем борьбу за единство? Я говорил уже, *почему* мы должны бороться за единство,—я разрешу сказать себе теперь, *как* бороться за единство. Здесь целый ряд товарищей подвергал сомнению возможность единства. Товарищ Гайс создал даже целую философию раскола. Он говорит: только те союзы могут вести борьбу, которые находятся под руководством коммунистов. Это, конечно, совершенно верно. Но, тов. Гайс, это все же не есть решение вопроса; конгрессу нужно дать ответ на другой вопрос: выгодно-ли нам—и при каких условиях это выгодно—собрать из различных организаций всех коммунистов и создать специальную организацию? Или же для развития революционного рабочего движения нам выгоднее бороться внутри реформистских союзов (поскольку еще нет

раскола) и там создавать громадные массовые компактные группы, которые могли бы в конечном итоге выкинуть профбюрократию? Я знаю, что многие товарищи пессимистически смотрят на возможность выбросить профбюрократию. Но мы, товарищи, ставим перед собою задачи более грандиозные, чем изгнание профбюрократии из союзов. Если мы не можем свернуть шею профбюрократии, то мы не сможем сделать этого и по отношению к господствующему классу. Ибо он сильнее и крепче профбюрократии, он располагает такими гигантскими орудиями угнетения,—армией, полицией и т. д.,—какими профбюрократия не располагает. Нельзя поэтому так отвлеченно подходить к вопросу.

Тов. Гайс иронически говорит: тов. Лозовский еще в 1922 году писал: „На удар нужно ответить ударом. Мы не хотим раскола и не боимся его“. Очевидно, тов. Гайс думает, что борьба за единство превращает нас в толстовцев. Нет, простите, товарищи, борьба за единство означает колоссальное повышение нашей революционной энергии. Если взять французское выражение, то я так бы формулировал нашу задачу: „за один зуб—два зуба, за один глаз—всю морду“—так нужно бороться с реформистами. Когда коммунисты остаются в реформистских союзах, они делают это для того, чтобы перевернуть вверх ногами всю эту организацию, выгнать из них реформистов и всю энергию революционной части рабочего класса направить на овладение массой. Конечно, есть такие товарищи, которые говорят: „Но если мы будем вести решительную борьбу в союзах, то будет раскол“. Поэтому они в интересах единства делают оппортунистические выводы. Там сгладили уголок, здесь смазали, там не особенно резко вы-

ступили и т. д. Нет, товарищи, это не коммунизм: никакое единство не должно нам помешать проводить нашу коммунистическую линию. Наша линия определенная, эту линию мы проводим, за нее мы боремся и ее мы отстаиваем всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

Второй вопрос, который также связан с чехословацким профессиональным движением и имеет международное значение, это—проблема единого союза и взаимоотношений между ним и независимыми организациями. На прошлом конгрессе, когда я в очень осторожной форме говорил, что имеются некоторые национальные трения, это отрицалось и чехами, и немцами. Вчера тов. Байер здесь выступил и открыто заявил: „Нет, есть национальные трения". (Гайс с места: „У немцев!"). Т. т., немцы говорят—у чехов, чехи говорят—у немцев. Вопрос заключается в том, что теперь одна из сторон признает уже наличие внутри революционных союзов трений, носящих некоторый национальный оттенок, что представляет собой очень большую опасность. Там, где общая атмосфера насыщена национальными трениями, малейшая неправильная линия может заострить вопрос, привести в конечном счете к национальным конфликтам и в нашей среде. Я предупреждал об этом на втором конгрессе. Сейчас один из ораторов об этом говорил, и я считаю, что нашим товарищам нужно обратить на это самое серьезное внимание.

Каковы должны быть взаимоотношения между единым союзом, независимыми союзами и меньшинствами внутри реформистских союзов? Тов. Кон требовал от меня категорического ответа. Я этот ответ категорически дам. Мы, товарищи, в качестве переходной меры в марте 1923 года выработали соглашение с независимыми союзами.

Но переходные формы обычно рассчитаны только на короткое время. То, что мы создали, как временные правила, должно быть временным, и взаимоотношения между независимыми союзами и единым союзом нужно установить такие же, какие существуют и с другими частями этого союза, дав некоторую финансовую независимость всем секциям. Надо покончить с существованием двух секций. В революционном союзе должна быть *одна* секция текстильщиков, *только одна и ни в каком случае не две.* И настоящий конгресс должен этот вопрос разрешить.

Наши польские товарищи говорили, что им удалось добиться благоприятных результатов, объединив целый ряд союзов, при чем они добились этих результатов, слив революционные союзы с реформистскими. Мы видим здесь на опыте правильность нашей тактики. Задача заключается не в том, чтобы консервировать во что бы то ни стало организацию, независимо от того, какое место она занимает и какой удельный весь она имеет в стране, а в том, чтобы учесть момент, *когда* и *при каких условиях выгодно для нас*, для данной организации, *слиться со всеми другими организациями* для того, чтобы через нашу компактно организованную массу охватить другие слои рабочих, которые организационно от нас еще отделены и которые нам нужно подчинить своему влиянию. Вот, если с этой точки зрения мы будем подходить к проблеме единства, то мы увидим, что даже там, где существуют параллельные профессиональные центры, нерационально вырывать отдельные группы из реформистских союзов. Наоборот, если мы представляем собой нечто сплоченное, то нам выгодно посылать отдельных работников, может быть—целые небольшие группы, в реформистские союзы для того, чтобы там ока-

зывать воздействие на эти союзы и, в конце-концов, их революционизировать и потом добиться единства. Это признали теперь французские товарищи. Если удастся захватить целый союз, то, конечно, никто возражать против этого не станет, но вырывать отдельные группы является часто в высшей степени нерациональным. Нам нужно иметь там коммунистический фермент, который разлагает реформистские организации и дает нам возможность овладеть все большими и большими массами. Подробно нам придется по этому вопросу поговорить в комиссии о методах работы.

Мне представляется, что некоторые ораторы неправильно подходили здесь к вопросу о фабзавкомах. Тов. Геккерт говорил: не надо переоценивать значения фабзавкомов. Вообще тов. Геккерт на этот раз все время нас предостерегал: только не переоценивать!.. Видно, товарищ, вы обожглись в своей практике! Конечно, если кто-нибудь воображает, что стоит только нам начать создавать фабзавкомы, как мы будем их иметь, это очень плохо. Но мы этим делом не занимаемся. В чем заключается возможность переоценки значения фабзавкомов? Она была бы в том случае, если бы мы сказали: все внимание фабзавкомам, на союзы не обращаем никакого внимания. А как, в действительности, мы ставим вопрос? Мы говорим: надо одновременно создавать фабзавкомы, *ибо они являются органами единства рабочего класса.* Через фабзавкомы мы вовлекаем массы, через фабзавкомы мы организуем неорганизованных, мы привлекаем всех своих рабочих и работниц через фабзавкомы. Через фабзавкомы мы будем выбивать реформистов из их гнезд. Для чего? *Только для того, чтобы построить наши союзы.*

Ошибочен взгляд канадского товарища Бека который говорит, что фабзавкомы могут явиться только после того, как рабочие организованы. Это схоластическая постановка вопроса. Организация рабочих создается в процессе создания фабзавкомов, и в той мере, в какой мы будем создавать фабзавкомы, мы будет вовлекать в организацию более широкие массы. Товарищ Бек приписывает нам такую мысль—займемся фабзавкомами, а после того, как создадим фабзавкомы, займемся союзами. Если бы мы так подошли к вопросу, мы бы рабочих не организовали и фабзавкомов не завоевали бы. Нужно подойти к вопросу иначе. Чтобы организовать массы, чтобы вовлечь массовые слои рабочих в организацию фабзавкомов, особенно в момент стачечных конфликтов, массовых волнений, дороговизны, растущей безработицы, каждый момент волнений в массах нужно использовать, чтобы выбирать эти фабзавкомы, эти представительства на основе всеобщего избирательного права, максимального демократизма и т. д. Плохо понимает ленинизм тот, кто не умеет использовать малейшее движение в массах для того, чтобы создать нашу организацию. Создавая фабзавкомы, мы не должны относиться к этому только формально. Опасность здесь заключается в том, что имеются товарищи, которые думают, что создать фабзавком—это все равно, что плюнуть. Взял, собрал и создал. Фабрично-заводские комитеты создаются в ожесточенной борьбе за влияние на массы. Они могут быть созданы, когда мы корнями в массу вошли, когда мы таким образом работаем, что сама рабочая масса начинает искать нашей поддержки, приветствовать нашу инициативу. С нашей стороны в этой области не должно быть никакой метафизики. Должен быть отчетливый подход и

достаточно четкий и ясный учет условий, при которых можно создавать эти фабзавкомы.

Но раз мы начинаем создавать фабзавкомы, а их *нужно* создавать, *то к этому надо подойти со всей энергией и все силы нашей организации пустить в это дело.* Профсоюзы, желающие вырасти,—а все хотят вырасти,—должны строить свое влияние на фабзавкоме, и если единый союз Чехо-Словакии хочет вырасти, он должен сделать так, чтобы фундаментом его стал фабзавком, т.-е. рабочая масса в целом.

Целый ряд товарищей ставил вопрос о том, что тактика единого фронта недостаточно ясна. Один из ораторов, кажется, тов. Редецкий, говорил: тов. Лозовский здесь предлагал тактику единого фронта только сверху. Когда я слушаю дискуссию на тему—сверху или снизу, мне начинает казаться, что в самой основе тут имеется непонимание. Что мы будем называть тактикой сверху? Означает ли единый фронт сверху—переговоры, или означают ли переговоры—тактику сверху? Такая тактика, будь она снизу, будь она сверху или сбоку, ничего нам не даст, если мы не сумеем на основе наших предложений двинуть массу, заинтересовать ее, сделать ее участником наших предложений, какова бы ни была тактика сверху или снизу. Вот почему для нас вопрос о том, какая это тактика—сверху или снизу—не существует.

Действуйте сверху и снизу! Вы получите тогда результат, когда массу вы сумеете мобилизовать вокруг выставляемых нами лозунгов. Вот почему метафизикой называется заявление: *только снизу*. Бывают обстоятельства, что полезно разговаривать. Один из товарищей, кажется, польский товарищ Дуньский сказал: „Конференция транспортников в Берлине создала некоторую неясность“. Для кого

осталась неясность и какая неясность? По моему, только неясность для оратора. Потому, что было следующее: была типичная тактика сверху, были выработаны резолюции, но эти резолюции наши сторонники, не стесняясь, назавтра распространили в 200 тысячах экземпляров. Во всех странах началась бешеная кампания за принятые решения. Правые стали наседать, левые начали колебаться и отступили. Мы остались единственными защитниками принятых решений.

В чем же была неясность? Пусть кто-нибудь из присутствующих скажет, против какой „неясности" в резолюциях конференции транспортников он возражает. По моему, получилась очень большая ясность: амстердамцы между собой разодрались. Разве это недостаточно ясно? Мы на этом деле только выигрываем.

Более того, на этой конференции сложилось так называемое левое крыло. Оно вынуждено было защищать принятое решение. Правда, оно плохо защищало, но все же оно вынуждено было защищать. Это был наилучший момент применения тактики единого фронта,—и вряд ли по этому вопросу может кто-нибудь возражать. Так что для меня тактика единого фронта очень ясна. Я, например, готов предложить единый фронт даже Гомперсу. Что мы от этого теряем? Мы предложим Гомперсу, т. е. не ему, а Американской федерации труда, вместе бороться за признание Советской России. Он ответит: никогда таких большевистских разбойников признавать не буду. Что мы от этого потеряем? Ровно ничего. Мы потеряем только в том случае, если поступим так, как поступают некоторые: встает рано утром, пишет письмо к реформистам, ждет три дня, получает ответ, запирает этот ответ, ждет месяц и опять пишет. Им кажется,

что это—единый фронт. По-моему, это—дружественная переписка с недружественными организациями, а не единый фронт.

Некоторые товарищи здесь говорили, когда мы подняли вопрос об Амстердамском Интернационале, что с этими амстердамцами можно будет разговаривать только тогда, когда они примут нашу платформу. *Но если они примут нашу платформу, то мы будем разговаривать не с ними, а с нами. Это ясно.* Тогда вопрос будет разрешен. Но, товарищи, это не дает ответа на вопрос о единстве международного профессионального движения, которое в порядке дня стоит и должно стоять. Какой ответ мы должны дать на это? Поднимем ли мы массу на борьбу за единство международного профессионального движения или нет?

Я спрашиваю: если мы перенесем этот вопрос через наши организации в широкие массы, если мы сделаем его в течение 6—8 месяцев одним из важнейших вопросов нашей агитации и пропаганды, если мы под флагом этого единства мирового профессионального движения начнем действовать на массы, выиграет ли от этого революционное профессональное движение или нет? Безусловно, да.

Здесь один товарищ говорил о вхождении. Конечно, если мы начнем говорить таким образом, как говорят амстердамцы—пускай они к нам войдут, мы ликвидируем Профинтерн и прочее,—но это, разумеется, пустяки; это, по выражению Глеба Успенского, сумасшедшие пустяки. Никто этим вопросом не занимался и заниматься не намерен. Дело идет не о ликвидации, не о самоликвидации, не о харакири по японскому образцу, не *о вхождении*, а о том, чтобы поднять массы во всех странах в борьбе за единство мирового профессионального движения, которое может произойти *лишь*

путем слияния обоих Интернационалов и только через международную конференцию, а никак не иначе. Так стоит вопрос. Если мы, именно, так подойдем к нему, не подражая терминологии амстердамцев, которые говорят о ликвидации, то мы создадим необходимую и достаточную ясность и никто абсолютно не будет пойман на удочку амстердамцев.

Два слова в заключение. В чем трудность создания боевого интернационала? Трудность не в выработке хорошей резолюции. Я думаю, что на этот счет опыт у нас есть. *Трудность заключается в том, чтобы в это необозримое разнообразие рабочего движения всего мира, в котором имеются организации, находящиеся на разных ступенях развития,—от цеховых китайских союзов и трэд-юнионистских, реформистских и революционно-синдикалистских организаций до коммунистического движения в России,—чтобы в это необозримое разнообразие ввести единую мысль, единую волю, единый план, единую тактику.* Это требует очень длинной и упорной систематической работы. Этим разнообразием и тем, что мы имеем против себя весь аппарат буржуазнаго государства и аппарат реформистской бюрократии,—всеми этими препятствиями объясняется медленный, хотя и неуклонный темп превращения Интернационала в боевую организацию руководства экономическими и политическими боями.

Причины, как видите, очень серьезные. Противодействие колоссальное. Его нельзя преодолеть в год или два. Революция развивается не по заказу, а представляет собой историческую полосу, которая отнимает много десятилетий, пока человечество придет к законченному коммунистическому строю. В этот процесс развертывания пролетарских

сил наша активная деятельность вносит планомерность и чем энергичнее, самоотверженнее и сильнее мы будем работать, тем яснее будем видеть нашу цель, тем скорее приблизим победу коммунистического строя.

Не надо упускать трудности, не нужно их преувеличивать, и ни в коем случае не следует их преуменьшать. Амстердамский Интернационал еще является препятствием, меньшим, правда, чем он был раньше. Но мы все препятствия преодолеем при дружной, дисциплинировавшей и сплоченной работе, при ясном сознании стоящих перед нами коммунистических задач. (Аплодисменты).

Единство в профдвижении.

(Доклад т. Монмуссо на III конгрессе Профинтерна).

Почему реформисты являются сторонниками раскола? Почему проводят они политику раскола? Почему во всех странах они раскололи профессиональное движение, почему повсюду пытаются они удалить из этого движения революционных борцов? Почему, с другой стороны, против реформистов выступаем мы за профессиональное единство? Почему мы не боимся войти в самое сердце реформистского профессионального движения?

Таковы, по моему, два основных вопроса, которые нужно поставить для того, чтобы понять в полном объеме проблему профессионального единства как в национальном, так и в международном масштабе.

Реформисты начали применять политику исключений против революционных борцов во всех странах в тот момент, когда революционеры, шедшие в классовый бой под руководством Коммунистического Интернационала, приобрели достаточно большое влияние внутри профессионального движения,—влияние, которое стало угрозой для всей политики реформистов. Они сделали это потому, что их программа основана на сотрудничестве классов и вдохновляется не интересами пролетариата, а интересами национальными, так называемыми интересами общего блага. Их программа смешивает интересы пролетариата с интересами

буржуазии, пытается соединить воедино два общественных класса. На основе этой программы реформисты с 1914 года до окончания войны принимали прямое участие в этой империалистической схватке, принимали участие в священном единении классов, а после войны подписывали версальский договор. Они неизменно выступали вместе со своими правительствами, они не считались с международной солидарностью рабочих и с начала до конца войны проводили буржуазную программу и вносили в пролетарские ряды буржуазный дух.

Реформисты, оставаясь на этой позиции защитников капитализма, не могли допустить роста влияния революционных идей среди рабочих, не могли допустить того, чтобы революционные борцы завоевали профессиональные союзы, чтобы они сделали борьбу классов осью профессионального движения и создали бы во всех странах международную пролетарскую армию, способную направить борьбу Интернационала в сторону мировой революции.

И вот, когда революционные борцы добились этого влияния, реформисты, заметили угрожавшую им опасность, и начали свою политику исключений. Эта политика исключений практиковалась во всех странах. Требование реформистов о соблюдении дисциплины не признает за активными работниками профдвижения права мыслить иначе, чем они, не признает за революционными борцами права защищать внутри союзов революционную программу и тактику. Их представление о дисциплине покоится на соблюдении реформистских принципов. Они требуют, чтобы революционные борцы, кто бы они ни были, не обсуждали их программы и тактики и безмолвно принимали бы

реформистские формулы, изготовляемые тесными кучками комитетов.

Не во всех странах эта политика им удалась в одинаковой степени. Во Франции, например, реформисты не проявили достаточно гибкости в этой политике; они взялись за нее, с одной стороны, слишком поздно, а с другой—слишком резко. Они заметили опасность только тогда, когда в руки революционеров перешла федерация железнодорожников, и тогда они немедленно вызвали раскол. Они создали раскольническую федерацию железнодорожников, между тем как революционная, нормально функционирующая федерация железнодорожников стала центром притяжения для всех революционных сил, рассеянных во Франции. Политика исключений, применяемая реформистами, привела к тому, что, в конце концов, последние остались в меньшинстве. На созванном нами в декабре 1921 года унитарном конгрессе мы имели за собой большинство синдикатов и еще более крупное большинство организованных рабочих.

В других странах, где реформисты действовали более умело, где они лишь постепенно стали применять свою тактику исключений, им удалось помешать координации всех сил революционного меньшинства. Там создалось положение, несколько отличное от нашего.

Эта раскольническая политика реформистов имеет в своей основе не только и не столько чувство личной неприязни к революционным борцам, но самый дух реформистской программы и тактики, который основан на сотрудничестве классов и на недопустимости революционной борьбы классов, как основной линии рабочего движения.

А теперь почему мы за единство?

Мы стоим за единство рабочего движения по соображениям, которые представляют собою прямую противоположность аргументам реформистов. Мы за единство профессионального движения потому, что наша программа—это прогрммма революционеров, потому что мы знаем, что политические и экономические события во всем мире толкают рабочие массы в русло борьбы классов, потому что мы знаем, что если революционные борцы разовьют свою недвусмысленную тактику среди рабочего класса, то они добьются победы своих идей и увлекут рабочий класс на борьбу.

Революционные борцы стоят за единство профессионального движения потому что они уверены, что если бы реформисты не произвели исключений во всех странах, то революционеры стояли бы теперь повсюду во главе рабочего движения, а реформисты были бы изгнаны с занимаемых ими сейчас руководящих постов.

Революционеры стоят за единство профессионального движения из соображений тактики, потому что, только обеспечив связь свою с рабочими массами, они могут увлечь эти массы в революционный бой. Реформисты не нуждаются в связи с массами, потому что их сила—в воздействии правительств, в использовании парламентских средств, тогда как революционеры опираются на прямое действие рабочего класса. Революционеры все свои упования возлагают только на массы, потому что только прямая борьба этой массы дает рабочему классу и непосредственное улучшение в настоящее время и полную победу в будущем.

Революционеры являются сторонниками единства потому, что у них достаточно веры в силу революционных идей, в силу революционного хода событий, в силу рабочих масс. Они знают, что эти

массы во всех странах инстинктивно направляются к классовой борьбе. Даже если бы революционные борцы оказались временно, в течение некоторого периода, в меньшинстве в рабочих организациях, то они уверены в том, что через некоторое время они окажутся в большинстве и завоюют руководящие посты профессионального движения.

Вот почему революционные борцы стоят за единство профессионального движения. И это же объясняет, почему революционные борцы всегда проповедывали единый фронт. Это объясняет, почему они всегда старались установить связь с великими пролетарскими массами. И если реформисты никогда не желали единства и применяли политику расколов и исключений, то революционеры, наоборот, отстаивали единство потому что считали его одним из наиболее верных средств, чтобы повести рабочий класс к победе революции.

Мы присутствуем в тех странах, где раскол оформился, где существуют параллельные профессиональные организации рабочего класса, *при ряде течений в пользу единства, которые на самом деле вовсе не направлены к установлению единства*. Так, во Франции проповедуют единство в форме простого возвращения унитарных союзов в союзы реформистские. Реформисты рассчитывают, что если восстановление единства таким образом произойдет, то это даст им возможность снова пустить в ход политику исключений и разложить революционное движение. Эти реформисты, выступающие в настоящее время в согласии с анархо-синдикалистами, находят известный отклик внутри рабочего класса. Рабочая масса ясно чувствует, что ее борьба парализована расколом рабочего движежения. Рабочая масса не поняла ни политики ис-

ключений, проводимой реформистами, ни расколов рабочего движения. Она не знает, почему это произошло. Она не понимает тех политических причин, которые толкнули реформистов на раскол. И эта масса трудящихся не знает, какими путями восстановить рабочее единство. Но она хорошо знает, эта рабочая масса, что причина, вызывающая слабость рабочего движения в настоящий момент, способствующая наступлению капитализма и развитию фашистской реакции, что эта причина заключается в расколе рабочего движения. Все рабочие знают, что если бы единство было восстановлено, они имели бы базу действия, базу, которая позволила бы им дать мощный отпор капиталистическому наступлению и расширить в возможно более скором времени поле своих собственных наступательных операций против капитала.

Товарищи, не может быть и речи о частичном восстановлении единства. Эта проблема стояла перед нами во Франции. Мы говорили нашим товарищам: единство может быть восстановлено только сразу, сверху донизу, во всем профессиональном движении. Не может быть политики частичного восстановления единства,— есть только политика национального и международного единства, тесно между собою связанных. И так как вы хотите знать, почему раскол царит в рабочем движении, так как вы еще не поняли, на ком лежит ответственность за этот раскол, так как вы еще не поняли, почему реформисты противятся восстановлению единства профдвижения, так как вы до сих пор не уяснили себе причин, по которым революционеры и реформисты так расходятся между собою, в своем подходе к проблеме единства,—то есть очень простое средство, чтобы дать рабочим возможность уяснить себе причину всех этих явле-

ний. Это средство—потребовать через головы реформистских вождей созыва конгресса единства. Когда этот вопрос будет поставлен, то вы увидите, товарищи рабочие, кто на самом деле отказывается от воссоздания единства и кто, действительно, работает в интересах рабочего класса, потому что единство—это один из самых крупных факторов силы рабочего движения. На этом примере вы сможете сами оценить и реформистов и революционера, а сделав соответствующую оценку,—снова войти в ряды тех организаций, которые одни только, по-настоящему, защищают интересы рабочего класса.

Товарищи, реформисты никогда не отвечали на те предложения единства, которые мы им делали во Франции. Они выдумывали всевозможные предлоги, они отказывались от единого фронта и, в конце-концов, они выдвинули следующий аргумент: не может быть национального единства без единства международного. И, в самом деле, товарищи, проблема профессионального единства не может быть разрешена по частям, она стоит для всего мирового движения пролетариата в целом. По тем же самым причинам, по которым мы являемся сторонниками единства в национальном движении, по которым мы хотим установить контакт революционных борцов с рабочими массами,—по этим причинам мы и в международном масштабе отстаиваем необходимость непосредственной связи деятелей Интернационала с рабочими массами всех стран.

Реформисты говорят нам: вы хотите единства, что ж—это просто. Вам стоит только распустить революционные союзы там, где они существуют, слив их с союзами реформистскими; вам стоит только распустить во Франции Унитарную конфе-

дерацию, заставив ее войти в конфедерацию реформистскую; вам стоит только распустить Профинтерн и предложить ему войти в Амстердамский Интернационал. Говоря иными словами, это значит: мы должны принять реформистскую программу, реформистскую тактику, мы должны даже пойти на то, чтобы реформисты, стоящие во главе профессионального движения, продолжали свою политику изгнания революционеров из рабочих организаций.

Мы отвечаем на это следующее. Мы стоим за единство, но мы стоим за него потому, что оно является в наших глазах могущественнейшим средством для проникновения наших идей в профессиональное движение, потому что оно—могущественнейшее средство для борьбы внутри рабочего движения на благо революции. Но мы не для того выступаем в защиту единства, чтобы принести нашу программу, нашу тактику и наши идеи в жертву на алтарь реформизма. Наоборот, мы хотим того, чтобы внутри профессионального движения смогли оформиться и сорганизоваться все течения, существующие в рабочем классе. Мы сторонники того, чтобы с того момента, как наши конгрессы принимают какие-нибудь решения,—чтобы с этого момента царила действительная дисциплина. Это значит, что в тот момент, когда реформисты будут разбиты, они должны будут преклониться перед решениями конгресса, когда собрания союзов оставят реформистских вождей в меньшинстве, реформистские вожди должны будут передать руководство движением в руки тех, кто одержит над ними верх.

Мы, революционные профработники во Франции и во всем международном движении, долго боролись за завоевание профсоюзов, но мы делали это не

из соображений борьбы за места, а для того, чтобы завоевать профессиональное движение для революции. Пока мы были в меньшинстве, мы оставляли реформистов во главе союзов, но мы не останавливались ни на минуту, продолжали энергичную работу за расширение нашей территории, за концентрацию наших групп, за объединение наших усилий для того, чтобы проломить брешь в цитадели реформизма. Нам удалось захватить ряд важных позиций, и мы хотим при восстановлении профессионального движения сохранить за собой наши позиции и продолжать борьбу за их дальнейшее расширение. Профессиональное единство не означает для нас отказа от прошлого или же отречения от нашей программы и тактики. Оно означает для нас, наоборот, возможность распространить наши идеи, нашу программу и тактику на все мировое рабочее движение.

Товарищи, вот, что мы отвечаем реформистам. Мы говорим им: мы хотим единства, масса хочет единства. Единство не есть диктатура реформистских идей над революционными,—оно предполагает свободу выражения своей мысли внутри профессионального движения. Мы требуем поэтому места в профессиональном движении для всех революционеров без исключения. И мы заявляем при этом, что у нас нет никакого намерения исключать очутившихся во главе профессионального движения реформистов из всех тех позиций, которые мы завоевали или надеемся завоевать.

Вопрос о дисциплине ставится только в случаях предательства в моменты борьбы рабочих, в моменты революционного действия. Мы заявляем, что эти предатели в действии должны быть исключены из профессионального движения, но что реформисты, как выразители определенной идеологии,

не могут быть выбрасываемы из профессионального движения, даже, если бы революционеры захватили в свои руки все господствующие позиции профессионального движения. Это означает, что наше понимание дисциплины покоится исключительно на подчинении всем решениям большинства конгрессов и союзных общих собраний и затем на дисциплине в действии, когда действие решено. Ни один работник не имеет права не подчиняться решениям действенного характера, не может саботировать рабочее движение в действии.

Вот на какой базе мы требуем единства. Не может быть и речи о том, чтобы растворить революционные синдикаты внутри синдикатов реформистских или растворить Профинтерн внутри Амстердама. Речь идет о том, чтобы восстановить профессиональное единство от верхней до нижней ступеньки в профессиональной организации.

Как осуществить все это? Надо прежде всего подготовить массы во всех странах, вести усиленную агитацию, итти к реформистам, итти к неорганизованным массам, итти к нашим собственным товарищам, чтобы объяснять им, почему мы хотим единства, почему единство необходимо, чтобы втолковать им, что рабочее движение должно достигнуть объединения всех своих сил под *единым* руководством на основе тактики классовой борьбы, которая позволила бы рабочему классу дать отпор буржуазии и прорвать фронт буржуазии. Вот что следует нам говорить нашим революционным товарищам и неорганизованным массам и массам реформистским.

Если вопрос будет поставлен подобным образом, то рабочие увидят, что все те, кто противился восстановлению профессионального единства, являются заведомыми врагами трудящихся, что все те,

кто желает разделения рабочего движения, являются союзниками буржуазии. Закончив эту предварительную работу во всех слоях рабочего класса, осветив должным образом проблему международного профессионального единства, мы сможем затем определенно выступить с указанием тех методов, при помощи которых мы рассчитываем восстановить единство.

На этом нашем конгрессе мы заявляем, что мы представляем себе осуществление международного единства профдвижения только при помощи международного конгресса единства. Речь идет не о том, чтобы заставить революционные организации разрозненно сливаться с реформистскими союзами. Дело идет о том, чтобы объединить вокруг мирового конгресса единства все реформистские и революционные организации. При этом, так как все организации имеют определенное количество членов, мы требуем, чтобы голосования производились пропорционально числу членов каждой организации.

В этом отношении мы ничего не боимся. Дело идет о том, чтобы начать борьбу с реформистами на почве численного состава организаций. Реформисты трубили и трубят повсюду, что за ними стоит 20 миллионов организованных рабочих. *Мы готовы противопоставить на мировом конгрессе единства число членов Профинтерна числу членов Амстердамского Интернационала.*

Мы будем настаивать поэтому на системе пропорционального голосования. Наши организации должны зарегистрировать число голосов, при чем число их должно быть предварительно проконтролировано смешанной комиссией из представителей обеих сторон. И когда затем будет поставлен вопрос о фактической линии рабочего движения, мы

обязуемся подчиниться большинству, которое создастся на этом международном конгрессе, и работать после этого конгресса над тем, чтобы впредь действительно существовал только один интернационал профсоюзов. Но мы будем требовать, чтобы и реформисты взяли на себя подобное же обязательство подчиниться решениям мирового конгресса единства и не прибегали бы ко всякого рода формальным уловкам для обхода этих постановлений.

Каковы бы ни были решения конгресса единства, я повторяю: они не внушают нам страха. Мы идем на этот конгресс в полной уверенности, что наш численный перевес даст нам там победу; мы уверены, что организованная сила революционеров внутри восстановленного Интернационала будет достаточна, чтобы завоевать все реформистские союзы, потому что у нас есть твердая воля и твердая вера в силу наших идей, а также и потому, что русская революция является достаточно могущественным центром притяжения, чтобы вовлечь массы в свою орбиту, пробудить революционное сознание рабочих, разгромить реформистскую тактику и программу, раздавить буржуазию, двинуть армию пролетариата в бой. Вот почему у нас нет необходимости устанавливать заранее число наших членов. Вот почему, не зная числа членов Амстердамского Интернационала, не производя даже подсчета нашим собственным силам, мы готовы принять на себя обязательство подчиниться решениям конгресса единства.

Но есть, товарищи, одна вещь, к которой у нас нет ни малейшей склонности: это—создание липового единства. Амстердамская левая говорит русским товарищам, русским союзам: входите в Амстердам, входите в наш Интернационал, бросайте ваш Профинтерн и приходите к нам. Так, товари-

щи, вопрос поставлен быть не может. Мы не хотим липового единства, мы хотим единства, созданного методами, соответствующими началу рабочего демократизма в профессиональном движении и обычным нормам союзной дисциплины, принятым во всех союзных организациях.

Русские союзы не пойдут в Амстердам; русские союзы, так же как и Унитарная конфедерация, как и все существующие братства революционного движения, останутся в Профинтерне. Но русские союзы, в качестве союзов, примыкающих к Профинтерну, вместе с другими делегатами нашего конгресса предложат Профинтерну, когда все подготовительные меры будут закончены, когда массы почувствуют, что единство является необходимым, обратиться к Амстердамскому Интернационалу с заявлением, что мы не хотим единства по клочкам, что мы хотим добиться осуществления настоящего *международного* единства. И это заявление будет повторяться на всех рабочих собраниях.

Вот как ставится проблема профессионального единства, и вот каков будет ответ русских союзов Амстердаму. Маневр амстердамской левой не застанет нас врасплох. Мы хорошо знаем, что амстердамская левая не является левым революционным крылом. Мы хорошо знаем, что она проникнута социал-демократическим духом, если не в массах следующих за ней рабочих, то по крайней мере в лице ее вождей.

Мы знаем, что эти вожди, без всякого сомнения, отдают себе отчет в банкротстве их Интернационала. Они хотят влить свежую кровь в жилы реформисткого движения и в то же время пытаются разложить революционное движение Профинтерна. Но этого, товарищи, им не удастся. Разложено будет не революционное движение Профинтерна, а

реформистское течение, господствующее в Амстердамском Интернационале. Реформизм вынужден будет рано или поздно отказаться от всякого контакта с рабочими массами.

Чего мы действительно хотим в отношении левой Амстердама,—это единства действий с теми массами, которые идут под ее знаменем.

Мы хорошо знаем, что амстердамские вожди или признают в близком будущем правильность нашего требования о созыве мирового конгресса или уйдут из рабочего движения, вернее сказать, будут выгнаны из него рабочими массами.

Мы знаем, что реформистские вожди Амстердама сейчас слишком дряблы, слишком скомпрометированы своим прошлым, слишком завязли, наконец, в своей реформистской линии, чтобы они могли искренно принять тактику и программу Профинтерна и русской революции.

Знаете ли вы, в чем реформисты обвиняют революционеров? Знаете ли вы подлинные причины их ненависти к коммунистическому движению, их политики исключений? Причина эта, товарищи, заключается в том, что русские революционеры повинны в совершении революции. Они повинны в том, что выставили против буржуазии и против социал-демократической болтовни революционные армии, выставили лозунг диктатуры пролетариата против диктатуры буржуазии. Вот основная причина той ожесточенной борьбы, которую реформисты ведут во всех странах против Профинтерна. Вот почему они неизменно нападали и нападают на русскую революцию и принимают участие во всех клеветнических кампаниях буржуазной прессы.

Так вот, товарищи, единство для нас—это средство дать возможность говорить с трибуны Интернационала, обращаться к реформистским массам,

неорганизованным революционным массам, говорить им, что единство рабочего движения—это лучший путь к революции. Мировая революция осуществится только тогда, когда широкие рабочие массы станут под красное знамя революции. А все те, кто не желает единства,—просто замаскированные буржуа. Они уже раз предали революцию в прошлом и они же предают ее сейчас, саботируя единство мирового профдвижения. (Аплодисменты).

Единство в профдвижении.

(Содоклад тов. М. Томского на III конгрессе Профинтерна).

— Товарищи, после обстоятельного доклада т. Монмуссо моя задача чрезвычайно упрощается. Русская делегация, выставив меня в качестве содокладчика, вовсе не имела в виду, что между нами и линией, развиваемой тов. Монмуссо, есть хотя бы тень разногласий. Наоборот, наша делегация, выставляя меня содокладчиком, имела в виду дальше углубить и расширить вопрос, более ясно поставить его перед иностранными товарищами, выяснить отношение к этому чрезвычайно важному вопросу со стороны русской делегации, ибо вокруг вопроса о вхождении русских союзов в Амстердамский Интернационал создано слишком много шума во всем международном профессиональном движении, и не только в профессиональном движении. Не только профсоюзы, не только вся профессиональная пресса без различия оттенков, но и политические партии, враждебные нам, партии реформистские, даже наши старые знакомые меньшевики и эсеры чрезвычайно оживленно дебатируют этот вопрос. Выяснить истинный взгляд русских профсоюзов на этот вопрос — вот что я считаю задачей своего содоклада.

Я не стану повторять основных положений доклада т. Монмуссо о важности и необходимости единого фронта. Однако, я не могу и обойти его молчанием. Мы не будем скрывать от себя, что иногда нам приходится слышать голоса сомнения по вопросу о практической целесообразности при-

менения тактики единого фронта. Конечно, в опыте единого фронта мы можем найти целый ряд практических ошибок. Об этом говорилось на конгрессе Коминтерна и здесь. Но можно ли делать из этого общий вывод, что практика показывает лишь отрицательные факты, и что линия единого фронта неправильна. Это было бы глубочайшей ошибкой, ибо с таким же успехом на опыте отдельных неудач применения вооруженного восстания в освободительной борьбе рабочих можно притти к столь же неправильному выводу, что метод вооруженного восстания неправилен, так как когда-то и где-то оно потерпело поражение, так как когда-то его раздавили, и оно кончилось разгромом революционных сил.

Это, конечно, ошибка. Это—обобщение, и обобщение довольно обывательское. Правильность и необходимость тактики единого фронта остается в полной силе. Это прекрасно доказал тов. Монмуссо, и нам приходится только солидаризироваться с ним в этом вопросе.

В отдельных странах, в отдельных отраслях промышленности наступление капитала приостановилось, в некоторых—продолжается, Там, где оно приостановилось, оно остановилось не после победы рабочего класса, а после того, как рабочий класс в своей экономической борьбе за последний период понес целый ряд потерь и поражений. Был первый период, когда буржуазия после войны подкупила рабочий класс без боя, давая ему целый ряд уступок. В этом секрет расцвета Амстердамского Интернационала после войны. В этот первый период буржуазия сама давала необходимые минимальные уступки рабочим для сохранения гражданского мира. Наступил второй период, когда буржуазия перешла в наступление на рабочих, то

разрозненными отрядами, то более сплоченными, отнимая уступки, отнимая ту кость, которую она бросила рабочим после войны. Этот период еще продолжается. В некоторых отдельных отраслях промышленности, в некоторых странах он приостановился после того, когда рабочий класс почти дорезан, когда почти все то, что было дано, было отнято обратно. В других странах наступление продолжается в полной силе, и мы стоим перед третьим периодом, когда рабочий класс, доведенный до минимума необходимого экономического благосостояния, должен будет перейти в контр-атаку за завоевание того, что у него отнято.

Мы видим, как в угольной промышленности, в тяжелой металлургии, в отдельных странах капиталисты концентрируют свои силы для нового наступления; мы видим, что разрозненные наступления капитала—это можно авансом предсказать—кончаются, что капитализм переходит в наступление по всему фронту, переходит единодушно сплоченным фронтом.

Возьмите последние забастовки в Англии, последние столкновения в практике английской экономической борьбы, и вы увидите, что там дело идет не с отдельными предпринимателями, а в каждом случае выступает союз, объединение, картель предпринимателей. Капитал концентрирует свои силы и должен концентрировать их в силу экономического положения, в силу положения европейского хозяйства, неустойчивого финансового положения, когда капиталисты открыто говорят, что данное экономическое положение делает невыгодным ведение дела при данном уровне заработной платы. Капитал приостановил свое наступление для того, чтобы с новой силой наступать на рабочих. Его наступление на других фронтах продолжается с полной силой.

Рабочий класс не мирится и не будет мириться с этим наступлением и со своим нищенским положением. Но *перед рабочим классом в большей степени, чем перед капиталистами, стоит задача концентрации своих сил для завоевания того, что отнято, и для отражения нового наступления.* Положение даже английских рабочих далеко не блестяще. Рабочие не могут и не будут с этим мириться. Последний конфликт углекопов в Англии, последняя стачка рабочих подземных дорог, постоянное брожение в союзе транспортников и т. д.,—все это явление одного порядка. Предыдущая стачка рабочих подземных железных дорог, по заявлению некоторых лидеров английских юнионов, не принадлежащих к коммунистической партии, носила невиданно ожесточенный характер, чего до сих пор они не видали в своей практике. А это говорят люди, убеленные сединами, они говорят, что не видели такого ожесточения, которое носили последние стачки английских рабочих.

Мы всегда считали, что рабочему классу в его экономической борьбе необходима бо́льшая концентрация сил, бо́льшая сплоченность, нежели предпринимателям. Это закреплено в отдельных резолюциях наших съездов. Для нас это незыблемое положение. Исходя из этого принципа, мы строили свои союзы, учась на опыте Запада. К сожалению, Запад плохо учится на нашем опыте, на опыте построения союзов. Но кое-что в этом отношении есть, быть может, бессознательное, быть может еще не вполне оформленное. Даже внутри Амстердама мы видим первые шаги, первую попытку к концентрации сил. Не отдавая себе отчета,—ибо я этого не видел ни в официальных отчетах деятелей Амстердама, которые исходят лишь из организационных принципов,—внутри Амстердама

происходит какая-то перестройка помимо политической перегруппировки, происходит организационная перестройка.

Внутри Амстердама оформляется довольно ясное течение—так называемых, как я лично их называю по аналогии с нашими прежними течениями, вертикалистов. До сих пор Амстердамский Интернационал опирался лишь на горизонтальные, национальные организации. Теперь вырисовывается твердо и ясно со стороны международных секретариатов, а по нашему—международных центральных комитетов, стремление играть все бóльшую и бóльшую роль. Международные секретариаты с боку у Амстердана складываются в особую полуоформленную организацию, как пристройки к Амстердаму. На последнем их конгрессе,—они называли его совещанием, но от этого дело не меняется,—международные секретериаты собрались, выбрали людей, обсуждали важнейшие вопросы, несмотря на сопротивление, очень сильное и большое, несмотря на недовольство со стороны лидеров Амстердама и национальных объединений.

Международные секретариаты несколько испортили существовавшую до сих пор „стройную“ структуру Амстердама, вводя туда своих представителей. Все это факты одного явления. Борьба между трудом и капиталом в национальном масштабе ясно вырисовывает концентрацию капитала, больше того—концентрация капитала в ближайшее же время грозит вылиться в интернациональные формы. Я думаю, не нужно быть пророком, товарищи, чтобы сказать, что при том или ином разрешении вопроса злосчастного Рура угольные короли Англии и угольные рурские короли между собою договорятся в целях регулирования зарплаты и угольных цен. Это так вытекает из положения ве-

щей, что перед углекопами в ближайшее время, я не сомневаюсь, станет вопрос о договоре уже не с национальным, а с интернациональным объединением углепромышленников.

Эти соображения—это очень важные соображения—заставляют нас с наибольшей остротой, с наибольшей последовательностью поставить вопрос о едином фронте. Мы не можем в этот момент не сказать рабочим о том, что перед лицом наступающего капитала, грозящего окончательно низвести рабочих до степени рабов, мы первые протягиваем руку нашим врагам,—мы не скрываем: *нашим врагам—реформистам,*—мы протягиваем руку и говорим: за вами идут еще миллионы рабочих, в ваших руках целый ряд крупных организаций, мы же имеем гигантское влияние на миллионы рабочих. *Мы боролись с вами и будем бороться, мы попрежнему не простим вам ни одной ошибки, мы будем разоблачать перед лицом рабочих каждый ваш шаг, вашу половинчатость, вашу непоследовательность, пагубность вашей идеи гражданского мира, но в интересах рабочих масс мы предлагаем вам совместно бороться с капиталом.* Нам, представителям рабочего класса, чуждо, незнакомо и не может быть знакомо чувство какой-нибудь личной ненависти. И если приходится встречать таких товарищей, которые пытаются сводить большой политический и колоссальной важности тактические вопросы борьбы классов к вопросам личным, к вопросам чувства, которые говорят, неужели мы с этими предателями сядем за один стол и будем вместе с ними работать, неужели между нами и ими может быть что-нибудь общее, то это, товарищи, никуда негодное соображение. Перед великой проблемой классовой борьбы и ее очередными тактическими задачами—это маленький вопрос, такой же пошленький, как

пункт, который включили амстердамцы в свою резолюцию о русских союзах, пункт, который они, очевидно, считают очень важным, о том, что они будут вести переговоры только под углом зрения достоинства Амстердамского Интернационала.

Нам чужды эти вопросики обывательского характера. Для нас важное и главное—определяющее наше отношение к группе лиц, к партии, к классам,—заключается в интересах классовой борьбы пролетариата, в данном случае—в международном масштабе. Мы ни на минуту не отказывались, не отказываемся и не будем отказываться в будущем вскрыть каждый шаг реформистов, их половинчатость, непоследовательность перед лицом рабочих масс, со всей беспощадностью противопоставляя свою классовую, выдержанную, последовательную, революционную, коммунистическую линию. Мы от этого никогда не отказывались и не будем отказываться, но задачи борьбы требуют единого фронта, требуют его логического заключения снизу доверху, в первую очередь—снизу.

Нам еще приходится встречаться с отдельными товарищами в тот или другой момент, которые под влиянием вполне понятного человеческого негодования пытались уходить из профсоюзов. А разве в опыте русского профдвижения это не было? А наши коммунисты и те революционные беспартийные, которые шли за нашими коммунистами в союзе служащих, разве не пытались вот в этом Колонном Зале расколоть союз служащих, когда оставалось чуть-чуть додавить наших реформистов-меньшевиков? Разве меня не ругали оппортунистом на заседании фракции, потому что я говорил: не уходите, вас была одна десятая, теперь вы составляете одну треть, а будете в большинстве. А через шесть месяцев мы додавили ре-

формистов. Даже у коммунистов лопается иногда терпение, человеческое берет верх над более высокими соображениями—простое человеческое негодование на реформистов, желание плюнуть на них, не возиться с ними. *Понять это можно, но оправдать нельзя.*

Мы с полной ясностью ставили вопрос и говорили: „не уходи из профсоюзов". Перед нашим рабочим движением, несмотря на его молодость, неоднократно вставали такие вопросы. Мы были принципиально против касс взаимопомощи. Мы считали, что кассы взаимопомощи—это недоносок рабочих организаций, и в свое время ставили принципиально вопрос о том, можем ли мы входить в кассы взаимопомощи. Мы, большевики, решили его таким образом, что там, где есть четверо рабочих, пятый должен быть большевик. Он пойдет везде и всюду, где рабочие. Пусть реформисты—предатели, но за ними есть рабочие, и мы не уйдем из профсоюзов, мы будем бороться за каждого рабочего. Мы в совместной работе с ними будем лучше, чем теперь, вскрывать их ошибки и недочеты. Если мы до сих пор обстреливали их из Москвы перекидным артиллерийским огнем, то пришел момент, когда нам нужно идти в штыки. (Аплодисменты). Разве Амстердам не является крепостью? Это есть крепость, это есть цитадель реформизма, и тот ничего не понимает в тактике партийной борьбы, в задачах классовой борьбы, кто откажется от этого или предложит нашим революционным союзам отказаться от того, чтобы войти колонной в цитадель нашего противника. Это будет ошибка, это будет близорукая тактика.

Разве теперь сторонникам Профинтерна не трудно работать? Разве в Англии, во Франции, в Германии, особенно там, где меньшинство, разве

вы не чувствуете часто у рабочих недоумений? „Ну, вы говорите, вы против раскола, но существуют два Интернационала, почему вы не объединяетесь?“ Мы ставим точку над „і“ и говорим,— да, мы за объединение в едином Интернационале.

И ведь это не случайность. В истории рабочего движения, такого колоссальнейшего фактора всей мировой истории, случайности не бывает. Есть племя дикарей, которые говорят, что ничего в мире нет случайного, только дикий маис родится случайно. Мы думаем, что дикий маис не случайно родится. Нет, не случайно родится „дикий маис“, не случайно родится левое крыло: это есть выражение и отражение глубочайших настроений широких рабочих масс. Я вовсе не претендую выставить себя знатоком международного рабочего движения. Текущие дела российского рабочего движения, наоборот, заставили меня с головой заниматься русским движением и слишком мало уделять внимания изучению и знакомству, даже элементарному, с международным рабочим движением. Я, равным образом, не хочу сказать, что я за два месяца, пока был в Англии, прекрасно изучил английское рабочее движение, но кое с чем я познакомился, и пусть английские товарищи меня опровергнут, если я буду неправ, что лозунг единого Интернационала вместе с русскими союзами явится и будет являться наиболее популярным среди английских рабочих, и английские рабочие пойдут за тем, кто этот лозунг выбросит.

Тот, кто пойдет под этим лозунгом, тот победит в Англии. Это понимают наиболее умные, дальнозоркие, опытные вожди рабочих союзов, не будучи коммунистами. Они понимают, что под этим знаменем победят. Рабочие рвутся к созданию единого фронта, в этот момент этот вопрос

является актуальным. Классовый инстинкт пролетарских масс это подсказывает, и наша задача— еще больше углубить, расширить, развить перед рабочими этот лозунг. Мы—за единый Интернационал. Кто против нас? Мы—за единое рабочее движение, мы не болтаем и не прячемся от разрешения вопроса словами о „достоинствах" нашего Профинтерна. Мы не цепляемся за то, кто первый скажет „а". Если в интересах классовой борьбы, в интересах объединения и сплочения класса потребовалось бы Профинтерну первым сказать: „господа амстердамцы, давайте построим единый Интернационал", мы это скажем. Пусть они кричат, сколько хотят, что вот профинтерновцы первые к нам пришли. Так говорят мещане. *Пусть у них останется мещанское самодовольство, а у нас будет правильная революционная инициатива. Только так можно поставить вопрос.* (Аплодисменты).

Темп рабочего движения в данный момент, темп революционного рабочего движения замедлился, опять вошел в несколько ровное русло. Этого нам не нужно от себя скрывать. Не так давно, около года тому назад, мы ведь видели другие перспективы. Перед нами вырисовывалась во весь рост, во всем грандиозном международном значении германская революция. Германская революция пошла по другому пути, и снова революционное рабочее движение входит в замедленное и спокойное русло, снова важнейшими вопросами являются вопросы экономической борьбы. Рост тяги в профессиональные союзы снова поднялся.

Есть, товарищи, две опасности. Первая опасность заключается в недооценке своих сил, в том, чтобы бы быть робким и нерешительным, смотреть в решительный момент так: „ах, я слабень-

кий!“ Но есть вторая большая опасность—недооценивать силы противника. Недооценка сил противника есть глубочайшая революционная ошибка.

Еще миллионы рабочих идут за Амстердамским Интернационалом, еще миллионы рабочих идут за реформистами. Борьба за души этих рабочих, пока что еще слепых, есть решительная, колоссальная и важнейшая задача. Перед нами, левым революционным крылом международного рабочего движения, стоит новая очередная задача после тех задач, которые мы выполнили. Мы выполнили, если можно так выразиться, задачу агитационно-пропагандистскую,—задачу первого периода работы Межсовпрофа. Мы ее выполнили блестяще. Вокруг этой пропаганды мы заставили сбиться целый ряд—тысячи и миллионы лучших деятелей профессионального движения и членов профессиональных союзов. И следующую задачу мы более или менее удовлетворительно выполнили. Это—задача организации своих сил внутри международного профессионального движения. Она ни закончена, конечно, потому, что никогда организационные задачи не бывают законченными вполне, но мы, Профинтерн, ее довольно удовлетворительно разрешили.

Теперь перед нами стоит третья задача, которую нужно разрешить, чтобы от роли оппозиции в международном рабочем движении притти к руководству международным рабочим движением. Без разрешения этой задачи мы обречены будем дальше заниматься только пропагандой да плакаться на новые измены реформистских вождей. Не плакаться нужно, а нужно предупреждать, войти внутрь, стать лицом к лицу с противником, ловя его на каждом шагу, вскрывать, разоблачать, вырывать у него из рук инициативу руководства.

Дикий маис случайно не растет, дикари ошибаются, не случайно у Амстердама вырисовывалось левое крыло. Левеет масса, левеют вожди.

Левое крыло в Амстердаме—существующий факт. Это левое крыло, конечно, не имеет своей ясной программы. Конечно, это левое крыло объединяет людей с различными политическими убеждениями и оттенками, но кое-что в левом крыле есть, что их объединяет. Их объединяет мысль о едином Интернационале, их объединяет, по крайней мере на словах, желание оторвать Амстердам от Лиги Наций, от ее бюро труда. Левое крыло сложилось.

Можем ли мы возлагать надежду на то, что это левое крыло превратится в революционное левое крыло, в будущих наших союзников? Можем ли мы рассчитывать на это? Рассчитывать подождем, а проверить не мешает. А проверка создается в таких случаях тем, что перед колеблющимся, которым остается и левое крыло, которое не согласно с правым, ведет компромиссную борьбу с правым, непрерывно колеблется между правым и нами, нужно поставить во весь рост на выбор две тактики. Рядом с каждой реформистской линией внутри Амстердама мы должны будем противопоставлять, если доведем свои намерения до конца, свою последовательную революционную классовую политику,—а левые пусть выбирают: либо они вместе с правыми против нас, либо вместе с нами против правых. Если мы сумеем их оторвать от Амстердама и повести за собой, это будет немаловажной победой, ибо сейчас Исполком Амстердама состоит из 4-х правых, 4-х левых и 1-го колеблющегося. Либо они, левые, пойдут вместе с нами, тогда мы оторвем, разложим—не Интернационал, как неправильно перевел перевод-

чик слова тов. Монмуссо,—а мы разложим реформистское крыло его.

Мы не хотим разлагать Интернационал. Наоборот, мы хотим создать крепкий, сильный Интернационал, дееспособный, способный руководить рабочим движением. Нашей задачей было и будет оторвать все честное, все революционное, все лучшее, все то, что запутавшись, барахтается вместе с реформистами. К таким я причисляю т. Кука—лидера английских горняков. Несомненно, это честный рабочий, производящий впечатление искреннего борца за интересы рабочих; к ним я отношу также и всем известного тов. Парселя.

Конечно, левому крылу нужна проверка. „А если оно не пойдет за нами?“—зададут нам вопрос. Тогда придется заставить их выдержать экзамен перед рабочими, действительно ли вы левые, или только так называемые „левые“? Так следует вскрывать все половинчатые позиции. Либо вести тех, которые колеблются, за собой, либо путем экзамена и проверки через огонь революционных действий посмотреть—золото это или медь. Если оказалась медь, сказать рабочим: смотрите, что сталось с той позолоченной вещичкой, которую вы называли золотом, а если оказалось золотом, то мы приобретем не одну тысячу и не один миллион союзников.

Конечно, не одно это определяет нашу тактику. Это не есть главное. Это—одно из побочных соображений. Это лишь показывает, что рабочие массы рвутся и хотят единого Интернационала, потому-то и складываются течения внутри Амстердама за единый Интернационал, за единый фрон. В Амстердаме происходит дифференциация сил и наряду с этим происходит другое явление, происходит организационная перестройка—чрезвычайно важная,

серьезная и интересная перестройка. Будем ли мы оставаться вне этого движения, или мы, революционные союзы, стоящие на платформе Профинтерна, в этот момент войдем туда, как стальной клин, как стальная революционная колонна?

Так нужно ставить вопрос. Это, по моему, основное и главнейшее. Этим мы предрешаем все остальные вопросы, и я думаю, что, несомненно, те, кто ясно и отчетливо представляет себе конъюнктуру международного рабочего движения, кто понимает реальную задачу не на словах, а на деле революционного крыла, кто не подменяет революционности, так называемой, „ультрареволюционностью“, т.-е. претензий всегда, везде и во всех вопросах быть левым,—те поймут это и признают правильным. Быть „всегда левым“ это тоже опасно. Истая революционность заключается в том, чтобы не быть правым и не быть левым, а взять правильный тон, правильную линию в рабочем движении и, не смущаясь криками, откуда бы они не исходили, мужественно ее проводить. Вот в чем заключается действительная революционность.

Иногда левизна является такой же болезнью и вредом, как и правизна. Не нужно и не следует при решении колоссальнейшей важности вопросов, международных вопросов, предрешающих на ближайшие годы судьбу и развитие международного рабочего движения, подходить с точки зрения, что реформисты плохи, что реформисты предатели и т. д., а поэтому ничего общего с реформистами не имей, не подходи к ним,—и больше ничего.

Вам в вашей практике приходилось не раз садиться за один стол с представителями предпринимателей и подписывать коллективные договоры. Почему вы не кричите: „Это оппортунизм!“ А у нас были такие левые, которые кричали, что это оп-

портунизм, „чтобы я стал с ними, со своими классовыми врагами, договариваться!“ Интересы рабочего класса заставляют нас делать это, властно диктуют нам создать единый Интернационал вместе с реформистами. Да, вместе с реформистами,— и тут никакие левые фразы нас с толку не собьют. Плохо, когда под влиянием ложного понятия левизны у людей мозги сбиваются налево, набекрень. Я уверен, что у нас, на нашем конгрессе, не найдется таких товарищей, что, как везде, так и здесь, мы пойдем единым стальным фронтом и по этому вопросу,—и я тогда посмотрю, пусть мне кто-нибудь из вас скажет, что станет с так называемым Амстердамом, что станет с реформистами через два года после того, как мы создадим единый Интернационал. Двинется наша борьба или не двинется? А я утверждаю, что мы многого достигнем. Обратного никто не докажет.

Признать это—вот основное; сделать это там, где этого еще нет, лозунгом рабочих масс, сделать лозунгом широких рабочих масс единый Интернационал, единый фронт снизу доверху, единое руководство международным рабочим движением— вот ясный лозунг масс, понятный и доступный каждому рабочему. И пусть мне скажет хоть один профинтерновец, который серьезно работал в массах, что это не облегчит, не упростит, не даст стройности и законченности его агитационно-пропагандистской работе. Я утверждаю, что это облегчит, упростит и даст необходимую стройность. Мы за единый фронт не на словах, а на деле. Слово за вами господа амстердамцы.

Теперь несколько слов о русских союзах. Должны ли русские союзы входить в Амстердам или нет. Те опасения, которые звучали, по крайней мере в некоторых,—может быть, кулуарах,—разговорах

о возможности, что русские покинут ряды Профинтерна и одни уйдут в другой Интернационал, требуют внесения ясности. Товарищи, никто не станет отрицать, что *Профинтерн строился русскими профсоюзами, что до сих пор никто не может бросить упрека русским профсоюзам в том, что они нарушили линию Профинтерна или Коминтерна.*

Ни один шаг русские профсоюзы до сих пор не делали и не сделают в будущем без ведома и санкции Профинтерна. Мы за единый Интернационал, но пока существует Профинтерн, он существует в лице его конгресса и в лице того исполнительного органа, который вы выберете; русские профсоюзы, как и всякий революционный союз, входящий в Профинтерн, не сделали и не сделают ни одного шага без согласия Профинтерна и Коминтерна. Мы строили Профинтерн, это очень теперь интересно напомнить, в некоторый момент вместе с итальянскими реформистскими вождями, вместе с левыми вождями английского профдвижения Парселем и Вильямсом. Акт о создании Профинтерна или Межсовпрофа подписан на одном листе Томским, Зиновьевым, Лозовским и д'Аррагона, Дугони и Коломбино. Разве мы не знали, кто такой д'Аррагона? Что мы, такие мальчики в Советской России, что мы не знали сущности характера д'Аррагона и Дугони? Но д'Аррагона и Дугони, подписавшихся на этом листе, мы использовали; они нехотя, невольно сделали большое дело; мы используем реформистов и еще раз, но я повторяю *ни одного шага русские союзы не делали и не сделают без Профинтерна.*

Но должны ли мы, русские профсоюзы, отказываться от переговоров, должна ли какая-либо другая часть нашего Профинтерна отказываться от переговоров с Амстердамом? Мы до сих пор ни

разу не отказывались и не отказываемся и не должны отказываться воспользоваться всяким случаем, каждой возможностью, чтобы развернуть свою и выявить их настоящую линию, заставить их высказать открыто свою линию перед лицом широких рабочих масс. От этого не отказываемся, и от этого не должны отказываться французы, не должны отказываться немцы, не должен отказываться никто.

Товарищи, мы на конгрессе предлагаем резолюцию русской делегации поставить во весь рост перед рабочими массами и перед всеми профсоюзами вопрос о едином Интернационале. Мы предлагаем не только поставить этот вопрос, но понять, что это не есть агитационный вопрос, а вопрос насущной важности для борьбы пролетариата. Конечно, реформисты подхватят и речь Монмуссо, и мою речь, и речь всякого, кто будет выступать по этому вопросу и будут пытаться изобразить так, что мы хотим взорвать Амстердам, что это лишь агитационный козырь. Каждый член Профинтерна должен сам понять и разъяснить массам, что это не агитационный козырь. Конъюнктура рабочего движения властно диктует это в интересах объединения экономических сил пролетариата в его борьбе, в интересах достижения революционного руководства рабочим движением, его оздоровления от наростов реформизма.

В силу всего этого, в интересах осуществления действительно классовой политики мы должны понять, что это есть не маневр, не агитационный ход, а это есть важнейшая для рабочего движения поставленная перед нами и требующая разрешения проблема. И если даже у амстердамцев разделились голоса, если там некоторые из правых колеблются по этому вопросу, а другие проявляют бешеное сопротивление и дикую агитацию, как

Зассенбах и Лейпарт, то это показывает, что они чуют, что это не есть агитационный ход, а это есть начало штурма их крепости.

Быть может, реформистам удастся этот вопрос еще раз смазать и оттянуть, быть может, удастся затормозить его не только на несколько месяцев, а на год, но мы должны ясно понять, что мы идем на штурм цитадели реформизма, мы объявляем атаку на эту реформистскую крепость, мы пойдем дружно и все вместе, чтобы лицом к лицу схватиться с врагом в последней схватке, и увидите, в чьих руках будет победа—у реформистов или у революционного не только на словах, а на деле, крыла международного рабочего движения. Я уверен, что победа будет на нашей стороне. (Аплодисменты).

Заключительное слово тов. Лозовского

на III конгрессе Профинтерна.

Товарищи, наш третий конгресс закончил свою работу. Мы подвели итог деятельности революционных союзов всех стран за большой период. Мы не только подвели итоги за 18 месяцев, протекших между вторым и третьим конгрессом, но мы сделали гораздо больше—мы наметили на ближайшую пару лет линию нашей практической деятельности. Если сравнить работу третьего конгресса с работой предыдущих конгрессов, то мы убедимся, что все то, что сделал наш конгресс, все вопросы, которые он рассмотрел и разрешил, все проблемы, которые он поставил перед революционным профессиональным движением всех стран, корнями своими уходят в первый учредительный конгресс Профинтерна и во второй его конгресс и в общем и целом идут по линии, намеченной Коммунистическим Интернационалом в области профессионального движения.

Целый ряд крайне важных вопросов стоял перед нами. *Центральный пункт нашего порядка дня*—вопрос, который все время выплывал в речах по всем решительно пунктам порядка дня, и на котором сталкивались различные мнения и предложения, *это был вопрос о борьбе за единство*, о том, нужно ли продолжать нашу линию, нужно ли дальше итти по пути, который наметил Коммунистический Интернационал и Красный Интернационал профессиональных союзов, или нужно здесь сказать какое-

то новое слово,—хотя и плохое, но новое. *Наш конгресс высказался* против такого рода новизны, он высказался против того, чтобы в этой области менять испытанную тактику, менять то, что нам дал опыт многолетней борьбы, что является основой всей коммунистической работы в международном революционном движении, и поэтому он категорически и без всякой двусмысленности *подчеркнул необходимость дальнейшей ожесточенной борьбы за единство.*

Но, товарищи, мы на этом конгрессе поставили не только вопрос относительно борьбы за единство в национальном масштабе, но мы сделали дальнейший шаг вперед. *Наш конгресс выставил лозунг*, поставил практически перед рабочим движением всех стран проблему *международного единства.*

Мы имеем в настоящее время раскол внутри профессионального движения. Это является одним из переходных моментов в развитии рабочего движения, и нам нужно возможно скорее изжить то состояние, при котором мы имеем различные организации, стремиться к тому, чтобы была одна организация, где рабочие разных направлений будут бороться за наши идеи. Мы не боимся реформистов, мы можем в одной организации с ними бороться за проведение нашей тактики, и мы убеждены, что, в конце концов, мы победим.

Проблема международного единства представляет собою величайшие трудности, повсюду мы сталкиваемся с традициями реформистов-раскольников, мы сталкиваемся с нежеланием единства, мы сталкиваемся с пережитками и в нашей собственной среде, высказывающей некоторые опасения, что, может быть, этот лозунг и эта борьба будут в ущерб революционному профессиональному движению.

Задача революционных союзов—преодолеть раскол, вносимый в рабочее движение реформистами, и, кроме того, преодолеть внутреннее сопротивление в наших рядах, ибо только сплоченно на идейной единой платформе революционного движения можно развить, завоевать и более расширить свое влияние.

Как стоит вопрос о борьбе за единство международного профессионального движения? Мы по этому поводу высказывались, мы выдвинули лозунг *слияния* обоих Интернационалов, лозунг созыва *международного конгресса единства*, лозунг подготовки революционного движения во всем мире. Нужно вовлечь рабочие массы, заставить рабочих на заводах, фабриках этим заниматься, оказывать воздействие на своих лидеров, произвести максимальное давление для того, чтобы сломить возможное сопротивление (не только возможное, но более чем вероятное сопротивление), которое мы встретим в реформистских рядах.

Мы вчера только в ВЦСПС получили письмо от Амстердамского Интернационала. В этом письме сказано, что на основании решений венского конгресса Амстердам приглашает делегацию из 6 человек от русских союзов для переговоров, на основе правил статутов и принятых Амстердамским Интернационалом решений. Товарищи, на это приглашение будет, конечно, дан ответ, само собой разумеется, в духе той резолюции, которая здесь была принята, и согласно той линии, которую мы наметили здесь, на этом третьем конгрессе, ибо каждый из вас прекрасно понимает, что отдельные части Профинтерна являются подчиненными по отношению к целому и выполняют только лишь общую политику.

Мы не можем добиться желательных результатов в области единства международного профессиционального движения, если мы не мобилизуем все наши организации, если мы не сделаем из этого вопроса один из боевых вопросов ближайшего времени. Если имеются товарищи, которые думают, что достаточно принять по этому поводу резолюцию, а потом ждать несколько месяцев у себя дома, как этот вопрос разрешится, то они глубоко ошибаются. *Ближайшая задача революционных союзов всех стран—поставить в центре внимания рабочих проблему единства*, ибо эта проблема поставлена жизнью, борьбой рабочего класса, потребностями единого фронта, потребностью противодействия, вызываемого наступлением капитала. И если мы не сумеем поставить этот вопрос, как центральную задачу дня, если мы не сумеем мобилизовать массы вокруг требования единства международного профессионального движения, если мы не сумеем вовлечь миллионы, то напрасно тогда принимать резолюции, напрасно вырабатывать коллективное решение, напрасно высказываться за самое единство. *Единство может быть лишь в том случае достигнуто, если в дело вмешаются миллионы*, и вовлечение миллионов в эту борьбу—ближайшая, практическая, насущная задача всех абсолютно революционных союзов во всех странах.

Итоги третьего конгресса Профинтерна.

III конгрессу было и легко и трудно работать. Легко потому, что основные линии были намечены конгрессом Коминтерна. Трудно потому, что нужно было в пределах намеченных рамок дать ответ на практические вопросы, стоящие в международном профессиональном движении. III конгресс не мог ограничиться только лишь вынесением одних принципиальных резолюций, нужно было претворить в жизнь те принципы, которые были намечены еще предыдущими конгрессами. При исключительном разнообразии профессионального движения вообще и революционного в особенности естественно, что нам пришлось, помимо общих задач, рассмотреть также положение в целом ряде стран и дать указания сторонникам Профинтерна, *каким образом* дальше вести работу.

Съезд, прежде всего, определил задачи *революционного профессионального движения*, выработал способы и методы борьбы за 8-часовой рабочий день, вынес решение о дальнейшей борьбе за фабзавкомы, наметил рамки для дальнейшей деятельности международных комитетов пропаганды, причем высказался за их ликвидацию, если будут созданы единые интернационалы по производствам. Съезд дальше обсуждал задачи сторонников Профинтерна в колониальных и полуколониальных странах, подробно рассмотрел вопрос о стачечной стратегии, и установил взаимоотношения между сель-

ско-хозяйственными рабочими и международным крестьянским советом, наметил линию революционных союзов по отношению к кооперации и выдвинул ряд организационных задач практического характера. Дальше, съезд принял особые решения, касающиеся работы среди женщин, среди молодежи, высказался об отношении профсоюзов к рабочему спорту, с особой силой подчеркнув необходимость работы среди эмигрантов, наметил линию в борьбе против фашизма и т. д.

Большую работу проделал съезд при обсуждении положения в разных странах. Съезд принял подробную программу действий для сторонников Профинтерна Соединенных Штатов и Канады. Разрешен ряд вопросов, касающихся дальнейшей работы в Испании и Латинской Америке, в Голландии, на Балканах, в Скандинавских странах, в Бельгии. Особое внимание съезд посвятил задаче сторонников Профинтерна в Англии. Здесь положение в высшей степени своеобразное; старое традиционное английское профдвижение сдвинулось с мертвой точки, в недрах его происходит глубокое брожение, при чем вовне оно принимает форму левого крыла. В самом левом крыле имеется несколько течений, из которых наиболее оформленное — это движение меньшинства, стоящего на платформе Профинтерна. В обстановке сдвига во всем рабочем движении надо было наметить дальнейшие задачи в Англии и взаимоотношения между сторонниками Профинтерна и левым, неоформленным, половинчатым, но отражающим глубокий сдвиг в массах, левым крылом. Для Чехо-Словакии, где революционные союзы живут самостоятельной от реформистских организаций жизнью, пришлось решать вопрос о *формах организации*: производственные союзы или единый союз с производственными

секциями. Распыленное по национальным, политическим и религиозным признакам чехо-словацкое профессиональное движение вызвало в рабочих реакцию, которая нашла свое выражение в стремлении создать единый союз. Съезду пришлось внести корректив в излишнюю схематичность единого союза, обращая внимание чехо-словацких товарищей на то, что на данной стадии развития рабочего движения такая форма организации может *замедлить* завоевание коммунистами большинства рабочего класса.

Центральным вопросом съезда был, несомненно, вопрос о воссоздании единства национального и международного профессионального движения. Конгресс Коминтерна уже высказался о том, что нужно продолжать борьбу за завоевание союзов. III конгресс Профинтерна вновь подчеркнул свою старую линию, при чем борьба за единство обязательна не только в тех странах, где движение не расколото, но особенно в тех странах, где движение уже раскололось, как во Франции, Чехо-Словакии и т. д. Борьба за единство здесь крайне затруднена тем обстоятельством, что реформисты в лучшем случае стоят на легитимистской точке зрения: „мы-де — законная рабочая организация, идите все к нам“. Если принять во внимание, что во Франции революционная конфедерация имеет больше членов, чем реформистская, то станет ясна бессмысленность такого рода предложения. Сторонники Профинтерна отвечают на это: „Созовем съезд, где будут представлены на основе пропорционального представительства рабочие, примыкающие к обеим параллельным организациям. Кто окажется в большинстве, тот и будет у власти, меньшинство подчинится дисциплине в борьбе против буржуазии, сохраняя свою свободу агита-

ции в борьбе за свои политические идеи". Реформисты до сих пор отказывались от такого, основанного на принципах пролетарской демократии, решения вопроса. III съезд Профинтерна подтвердил необходимость продолжения борьбы за восстановление единства национального профессионального движения.

Но съезд на этом не остановился, он пошел дальше и выдвинул, как практическую задачу дня, *борьбу за единство мирового профессионального движения*. Мы никогда не скрывали того, что наличие двух Интернационалов ослабляет боеспособность пролетариата,—расколотое профдвижение не может быть в достаточной степени устойчивым и упорным в борьбе против наступающего капитала.

Съезд Профинтерна имел перед собою решение венского конгресса Амстердамского Интернационала, в котором высказывается желание вовлечь в Амстердамский Интернационал русские профсоюзы при сохранении достоинства (?) Амстердамского Интернационала и при условии признания со стороны русских союзов статутов и условий этого Интернационала. Как раз во время обсуждения вопроса о единстве мирового профессионального движения ВЦСПС получил письмо, где опять подчеркивается „достоинство", необходимость признания условий и статутов и выражается готовность встретиться с русской делегацией в составе 6 человек. Руководители Амстердамского Интернационала носятся со своим „достоинством" и со своими статутами, и программой, как герой русской сказки—с писаной торбой. Предлагая русским союзам переговоры, они заранее выставляют требование признания своих условий и статутов, не понимая или делая вид, что они не понимают, что переговоры обычно ведутся *для выработки новых условий*, а не для

признания статутов и программ, в выработке которых ВЦСПС не принимал никакого участия. Правое крыло Амстердамского Интернационала маневрирует и очень плохо маневрирует. III конгресс Профинтерна, вместо расплывчатых и ничего не говорящих формул о достоинстве, поставил вопрос *слияния* двух Интернационалов путем созыва международного конгресса единства на основе пропорционального представительства. III конгресс ни на минуту не скрывал от себя, что придется выдержать ожесточенную борьбу для осуществления этой задачи. Революционные рабочие всех стран, предлагая слияние обоих Интернационалов, исходят из действительного желания восстановить единство международного профессионального движения. Но здесь мы наталкиваемся на реформистов с их „достоинством“. Амстердамцы обычно говорят, что они „единственная“ организация, и что они объединяют „громадное большинство“ рабочих. Допустим на минуту, что это так. Тогда, что же теряют они, если будет международный конгресс единства? Они получат большинство и будут управлять новым Интернационалом. Если мы останемся в меньшинстве, мы подчинимся дисциплине, будем бороться за свои идеи. Казалось бы, при такой уверенности в своем подавляющем большинстве амстердамцы должны были бы пойти на съезд единства, но на этот счет пока еще ничего не слышно. Есть все основания думать, что реформисты в ответ на честное и открытое предложение восстановить единство всего мирового профессионального движения, начнут ходить вокруг да около, ссылаясь вместо аргументов по существу на свое „достоинство“. Что означал бы отказ от принятия честного и открытого предложения конгресса о слиянии обоих Интернационалов? Это означало бы, во всяком слу-

чае, неуверенность в своем большинстве, неуверенность в своей силе. Мы думаем, что внутри Амстердамского Интернационала найдется достаточное количество рабочих, которые поймут величайшее историческое значение воссоздания действительного единства мирового профессионального движения. Они поймут и окажут соответствующее воздействие на своих руководителей.

III конгресс Профинтерна поставил открыто пред лицом десятков миллионов рабочих вопрос о единстве всего мирового профессионального движения, и в этом, несомненно, его заслуга. Революционное профессиональное движение всех стран сделало на этом конгрессе еще один шаг вперед по пути объединения и собирания всех сил для организации социальной революции. На этом конгрессе было доложено о состоявшейся в Кантоне тихоокеанской конференции транспортников, что служит несомненным доказательством громадного организационного размаха Профинтерна. Многое еще предстоит сделать революционному профессиональному движению, но чем большие задачи стоят перед нами, тем больше энергии, самоотверженности вложат революционные рабочие всех стран в работу по достижению поставленных целей.

III конгресс Профинтерна во всей своей работе шел по коммунистической колее, ибо другой колеи, кроме коммунистической, для революционного профессионального движения нет и быть не может.

А. Лозовский.

„Труд“ № 166,
24/VII 1924 г.

Резолюция по вопросу о единстве профдвижения.

I. Третий конгресс Профинтерна попрежнему, в интересах развития классовой борьбы в международном масштабе и успешного отражения натиска капитала, подтверждая свои прежние решения о необходимости борьбы за создание единого рабочего фронта, считает своим долгом еще раз подтвердить свое твердое решение вести свою работу в этом направлении.

II. Ни на минуту не прекращая своей решительной борьбы со всякими проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая всю предательскую его сущность, неутомимо разъясняя это всем рабочим, не понявшим еще сущности реформизма, как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, III конгресс считает в интересах концентрации пролетарских сил и единства руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции наиболее актуальной задачей своей деятельности развитие широкой кампании в рабочих массах за единство международного профессионального движения.

III. Эта кампания за единство, в первую голову и главным образом снизу, развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью вопрос о создании единого Интернационала Профсоюзов.

IV. Одним из следующих шагов в этом направлении, после соответствующей подготовки масс,

мог бы быть созыв „*Объединительного Интернационального конгресса Профсоюзов*“, на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам), на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового *Объединительного Интернационала.* Конгресс считает, что только этим путем можно осуществить одновременное и полное слияние параллельных организаций.

V. Во исполнение этого конгресс считает полезным войти через своих представителей в сношение с Амстердамским Интернационалом и британскими трэд-юнионами, представители которых выступают внутри Амстердама, как сторонники Интернационала.

VI. Однако, ставя интересы международного рабочего движения и осуществление его единства выше вопросов формального характера, конгресс считает, что отдельные профессиональные организации, входящие в Профинтерн, не должны упускать ни одного благоприятного случая для переговоров с Амстердамским Интернационалом или с отдельными его частями по вопросу об осуществлении единства и единого фронта, при непременном согласии в каждом отдельном случае со стороны Профинтерна и под его руководством.

VII. Конгресс единодушно считает, что попрежнему каждый, имеющий международное значение решительный шаг со стороны всякой организации, входящей в Профинтерн, может быть совершен лишь с санкции и под руководством Профинтерна.

VIII. Конгресс выражает уверенность, что неутомимая пропагандистская разъяснительная работа в массах и организация их под лозунгом единства международного движения создадут необходимые

предпосылки для осуществления в ближайшем будущем и организационного оформления единого рабочего фронта против международного капитала.

IX. Третий конгресс Профитерна, не считая возможным ограничиться только декларацией единства, постановляет создать *комиссию единства мирового профдвижения из 17 человек*, которая должна повести под руководством Исполбюро Профинтерна решительную работу в указанном выше направлении. Настоящая комиссия вся целиком или отдельные члены по ее поручению должны вступить в контакт с английскими трэд-юнионами, поднявшими на съезде Амстердамского Интернационала вопрос о единстве, изучить состояние профдвижения в тех странах, где движение за единство наиболее сильно, и вступить, в случае необходимости, в переговоры с Амстердамским Интернационалом в указанных в настоящей резолюции целях и пределах.

Да здравствует единство международного профессионального движения!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Цена 45 коп.

Склад изданий в книжном магазине Из-ва МГСПС
„ТРУД и КНИГА"
Дом Союзов, Б. Дмитровка, № 1.

